

Ярослав Зуев

Охота на рэкетиров

Ярослав Викторович Зуев
Охота на рэкетиров
Серия «Триста лет спустя», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161771
Охота на рэкетиров: К.: А.С.К.; 2004
ISBN 966-539-435-5

Аннотация

Вниманию читателей предлагается вторая книга детективно-приключенческого сериала «300 лет спустя».

Алмазная сделка – единственная надежда криминального авторитета Виктора Ледового. Но вот беда, его супруга доверяет тайну любовнику, а у того от длинной шеренги «нулей» попросту срывает крышу. В итоге камни похищены и увезены в Крым.

Выправить почти безнадежное положение предстоит Андрею Бандуре и его друзьям Атасову, Протасову и Армейцу. Путь им предстоит неблизкий и опасный, словно через минное поле. Похититель алмазов не лыком шит и организует преследователям очень теплый прием. А поскольку партнер Ледового олигарх Поришайло ведет двойную игру, то есть спит и видит авторитета в гробу, друзья оказываются между двух огней. Дорога одного за другим пожирает попутчиков Андрея, добраться до цели удастся не всем. А когда, казалось бы, дело в шляпе и можно праздновать недешево доставшуюся победу, начинается самое интересное...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	25
Глава 4	54
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ярослав Зуев

Охота на рэкетиров

*Моему сыну Сане за идею, которую мы вынашивали вместе,
За героев, которых ты придумал
За то, что верил в удачу гораздо больше меня*

Глава 1

ПОГОНЯ

Выехать из Киева Атасову, Армейцу и Бандуре удалось лишь в девять вечера.

– В двадцать один ноль ноль, – поправил Атасов. – Куда это Протасов запропастился?

Протасов выбрался раньше их. Где-то около семи. Как и было изначально уговорено. Так, по крайней мере, заявил сам Валерий, позвонивший, прямо с милицейского КП на Обуховской трассе.

– Е-мое. Я уже на точке! – орал в мобильник Протасов. Вместе с громогласными раскатами его голоса из динамика прорывался характерный дорожный гул. – Вы где, пацаны? Бляха-муха?

– М-мы Г-римо потеряли, – развел руками оказавшийся у телефона Армеец. – А-атасов и А-андрюша битый ча-час по о-окрестным кустам ш-ш-шныряют. С-свистят, зо-зовут – бестолку в-все.

– Вот блин...

– С-саня, хо-хорошенько его выгулять со-собирался. Пе-перед поездкой.

– Вы что, на КПИ еще?... – взорвался от негодования Протасов. – Нихрена себе, е-мое, пацаны, вы стрелки ломаете.

* * *

Сам Протасов увалил с дачи Ледового значительно раньше остальных. Бегло осмотрел желтый «Мерседес» Атасова, побил ногой по колесам, проверил уровень масла и поклялся мамой, что Атасовский конь «добежит, в натуре, и до Южного полюса». А затем отпросился у Атасова по каким-то неотложным сердечным делам:

– Дело жизни и смерти, Атасов!.. Девушка, в натуре, почти что беременная! Не будь ты, е-мое, жмотом!

Атасов махнул рукой – едь, типа.

– Встречаемся ровно в 19.00. Сразу за КП на Обуховской трассе.

Протасов умчался, посоветовав напоследок Атасову и его команде не забывать доливать бензин в бак «Мерседеса».

– Без бензина хрена лысого далеко уедете. Проверенный факт.

* * *

– Ч-что тут м-можно сделать, – горестно задышал в трубку Армеец. – Вы-выше головы не прыгнешь. А-атасов го-говорит, у соседской су-сучки п-пит-буля – течка. Вот у Гримо крышу и сорвало.

– За такие дела, блин, кастрировать надо...

– Ж-ж-жалко, животное...

– Да не собаку, блин. Тебя, Атаса и Бандуру.

– Ты не во-волнуйся, В-валера...

– Я, блин, спокоен, как удав. Короче, Армеец – я попек... на Крым. Догоняйте, блин. Хотя, в Атасовской колыхаге?... – засомневался Протасов. – Хрена лысого. Может, я где похавать стану. Увидите джип на дороге... – голос Валерия потонул в вихре статических разрядов. Видимо Протасов покинул зону покрытия мобильной связи.

Армеец спустился во двор и подключился к Атасову и Бандуре. Поиски Гримо увенчались успехом только к восьми вечера. То ли псу надоело бегать, то ли проснулась совесть. Или он решил подкрепиться, как знать. Атасов, злой как черт, приволок Гримо к парадному. Тот висел в руке хозяина, безжизненный, будто чучело. «Лежачих не бьют», – молили глаза Гримо.

– Скотина безрогая, – Атасов швырнул собаку в машину. – Мерзавец...

Хотя по виду Атасова чувствовалось, что на самом деле он испытывает облегчение от того, что пес, в конце концов, нашелся.

– Да л-ладно, – примирительно сказал Армеец. – Давай его с собой возьмем. Он у тебя го-годами дома сидит. Атасов нерешительно глянул на Армейца.

– Ты, Эдик, просто не представляешь, что такое проехать с этим дебилом тысячу, типа, километров...

– Да пускай с нами покатается, – поддержал Эдика Андрей. – Он же много места не занимает. В ногах посидит...

Атасов ответил ему исключительно скептическим взглядом:

– Ты так думаешь, типа?

Еще в городе Атасов залил полный бак. Заехал на шиномонтаж, чтобы поставить камеры во все шины.

– Бескамерка новая хороша, типа. А побегавшая – лопнет на трассе – пиши, типа, пропало.

Уже на выезде из города Атасов, после минутного колебания, снова свернул к придорожной СТО.

– Эта машина, – проговорил Атасов, наблюдая за работой карбюраторщика, – жрет как танк. Пока до Крыма доберемся – без штанов останемся. Не говоря уже о том, что этих, типа, крымских гаишников мамы, похоже, вместе с приборами контроля СО рожают.

Только в девять вечера они прошли милицейское КП на Одесской трассе. Поставив милиционер уже задрал кверху палку, намереваясь, видимо, проверить документы, но, заведя бешено ощерившегося с переднего сидения Гримо, только отмахнулся: счастливой дороги.

Сразу за Киевом места сделались живописными. Трасса пересекала широкие поймы долин. То взбиралась на высокие холмы, то ныряла в глубокие лощины.

– Озер полно, – Андрей с восхищением оглядывал проплывающую мимо красоту. В низинах, над водой, клубился туман, берега укрывали заросли камыша. Кое-где на склонах долины горели огоньки электрических лампочек.

– Вита-Почтовая, – Армеец показал налево, – а дальше там – Круглик. Дачные участки сплошные. Я з-здесь па-пару домиков строил. Лет эдак семь назад. А речка называется Си-сиверкой.

Быстро стемнело. Машин на трассе пока хватало. Кто на дачи рвался, суббота все-таки, кто наоборот, на выходные – в столицу. Шли сплошным потоком. Как водится – встречные слепили. Попутные – мешали. Зато дорога была – что надо. По нашим, разумеется, меркам. В две полосы в одну сторону, а когда – и в три. Одна беда – деревень по пути попадалось

многовато. Атасов между селами гнал, а в населенных пунктах существенно сбрасывал. Не до положенных шестидесяти, но снижал исправно и каждый раз.

– Все равно нарушаешь, – удивился Андрей. – Какая гайшникам разница, сто двадцать или сто?

– При чем здесь, типа, гайшники? – Атасов не отрывал глаз от дороги. – Чихал я на ментов. Ты что, Андрей, наших мужиков не знаешь? Да в такое время, в субботу тем более – половина на рогах. Из них еще половина – на велосипедах. От кумы, из гостей, к брату, к свату. Выскочит такой под колеса – и тю-тю... Пиши, типа, пропало...

По мере того, как росло расстояние от города, магнитола чахла и вскоре в «FM»-диапазоне не осталось ничего, кроме электрического треска и шипения. Какой-то голосистый исполнитель еще пытался пробиться сквозь помехи, но выходило у него не очень. Оба динамика как заткнули поролоном.

– Выключи ее! – рявкнул Атасов Армейцу.

– К-кассеты же не взяли, – огорчился Эдик.

– В бардачке посмотри, типа.

– Ни о-одной...

Справа во мгле проплыло скопление огней.

– Белая Церковь, типа. Как мимо проезжаю, так сразу вспоминаю, что резину пора менять.¹

– А внешне вроде ничего...

– Это, Андрюша, издалека ничего, а поближе глянешь – жуть, типа.

Минут через двадцать миновали тонувший во мраке щит, сообщавший любопытствующим водителям, что Киевская область осталась позади, а пошла – Кировоградская. Поток автомашин сразу иссяк.

– Т-теперь гайшников по-поменьше будет, – высказал предположение Армеец.

– Постучи, типа, по дереву.

– Мы когда пацанами были, – начал Андрей, открывая первую серию бак в пути, – в Дубечках еще – поздним вечером на трассу выбирались.

– Зачем, типа?

– Поперек дороги от дерева к дереву натягивали капроновую нитку. Белую. В свете фар – чистый трос получается. Или вообще, не поймешь что...

– Ху-хулиганство, – отозвался Армеец. – Зlostное, я бы сказал.

– Водители, завидев эту штуку, такое вытворяли... – заулыбался Андрей.

– Я бы у-убил, – убежденно повторил Армеец. – У-убил и в поле закопал.

– Вот один мужик, дальнобойщик, тоже так решил. Видать, где-то уже наступал на такие грабли. Выскочил из своего «Лиаза»,² ухватился за монтировку и давай за нами по всему полю гоняться...

– До-догнал?

– Не догнал.

– Жаль, типа.

Бандура хмыкнул:

– Ничего себе, жаль. Я так бежал, думал, сердце не выдержит.

¹ В городе находится комбинат «Белоцерковщина» (ныне ОАО «Росава»), известный своими покрышками на весь бывший Союз. Здесь и далее примечания автора

² Имеется в виду уважаемый дальнобойщиками Союза седельный тягач «Шкода», собиравшийся в ЧССР на Либерецком автозаводе. Это предприятие входило в состав государственного концерна «Шкода», знакомого жителям СССР по трамваям и троллейбусам, в первую очередь. Интересно, что чешский Лиаз вырос из велосипедной мастерской, которую в 1894 открыл торговец книгами Вацлав Клемент после того, как ему всучили бракованный велосипед

Во многих селах что-то жгли. Дым стелился над трассой. В свете собственных и встречных фар выходил такой театр теней, что и нарочно не придумаешь. Бандура и Армеец пялились вперед вместе с Атасовым, так что пространство перед капотом «Мерседеса» сканировалось сразу в шесть глаз. Один Гримо плевал на все эти сложности. Свернулся калачиком на переднем сидении и дрых без задних ног, демонстрируя абсолютное доверие к хозяину и полное презрение к опасностям.

– Видимость ноль, типа, – спокойно сказал Атасов.

– Как-то так египетские жрецы и ду-дурили людям головы. В храмах. Там благовония разные к-курились. Дым к сводам поднимался. Вот они с-с помощью диапроектора и п-проецировали на него, ка-как на э-экран, с-статуэтки разных богов.

– Представляю эффект, – протянул Бандура.

– П-о-по-трясающий. У з-зрителей – полные штаны были.

– «Летучий голландец»,³ типа, по тому же принципу?..

– Ну да, – продолжал с вдохновением Армеец. – П-при определенных по-погодных условиях изображение может быть ретранслировано на многие с-сотни ки-километров.

Атасов кивнул:

– В детстве я такие штуки обожал. Бермудский треугольник, типа. Море дьявола, SOS с «Титаника», который радисты до сих пор принимают. Колонисты американские, что по небу маршировали.

– Как это? – удивился Андрей.

– Ну, вроде бы, во время войны с индейцами, в прошлом веке еще, отряд американских солдат из форта вышел. А через пару дней в форте увидели, как солдаты маршируют по небу. Вверх ногами, между прочим.

– Ре-рефракция,⁴ – вставил Армеец.

– Поскольку впоследствии вышло так, что индейцы весь отряд перемочили, получилась страшноватая легенда.

– Я еще пацаном в ки-кинотеатре «Всадника без головы»⁵ по-посмотрел. С Олегом Видовым в главной роли. Э-экранизацию ро-романа Майн Рида. Жу-жуткий там момент был...

– Это когда всадник без головы над обрывом скачет? – Атасов вытаращил глаза, – типа, по облакам?..

– Ага...

– Точно!.. – кивнул Атасов. – Жутко вышло! Ужас, типа!

Немного помолчали. Каждый вспоминал картину кошмарного всадника, пробравшую обоих в юности. Бандура им не мешал.

– Мой дед «Вокруг света» выписывал... – Атасов поморщился, ослепленный фарами пронесшейся навстречу иномарки.

– Ослепил, Саня? – встревожился Армеец.

– Вот кретины, типа, – Атасов выругался, – навешают себе галогенок, а все остальные – по боку.

³ «Летучий Голландец» – легендарный парусник-призрак. По одной из легенд, это корабль голландского капитана Ван дер Декена (или, по другим версиям, Ван Страатен), который, будучи страшным сквернословом, попал в страшный шторм на пути из Индии и поклялся, что никто не сойдет на берег, пока корабль не обогнет мыс Бурь. Ну, и его схватили за язык. С тех пор он стал вечным скитальцем, а встреча с «Летучим Голландцем», согласно представлениям, бытовавшим у европейских моряков, предвещает кораблекрушение и прочие крупные неприятности

⁴ Преломление (рефракция) – изменение пути светового луча, возникающее на границе раздела двух прозрачных сред или в толще среды с непрерывно изменяющимися свойствами. Встречается на каждом шагу, например, можно видеть как ложка, находящаяся в чашке с чаем, «переломлена» на границе воды и воздуха

⁵ «Всадник без головы», худ. фильм режиссера Владимира Вайнштока, лидер проката 1973. В ролях Л.Савельева, О.Видов, А.Луго, Э.Нуньес и др. Снят по мотивам одноименного романа Томаса Майн Рида (1818–1883)

– Догнать бы и об голову разбить.

Атасов убрал пальцем слезу.

– Скотина... Так вот... «Вокруг света». Хороший был журнал. Лучшего я не знаю. Да сейчас таких и нет. Все больше – экзо-эротика и сексо-экзотика. Гламур. Бред для дебилов, короче. Кто с кем трахался, сколько раз и за «сколько денег»... Типа, так.

– Черные дыры... – мечтательно протянул Андрей. – Я еще помню, в «Очевидном и невероятном» профессор Капица⁶ о них рассказывал.

– Хорошая память, типа, – с уважением сказал Атасов.

– Я все боялся, – сознался Андрей, – вдруг к Земле такая подлетит, и все мы туда провалимся.

– Уже подлетела, – задумчиво обронил Атасов.

– Как это?!

– Черная дыра, типа, – это наша верхушка, Андрюша. Сколько ни берут, а все мало. Втягивают, что плохо лежит. И что хорошо, тоже. Сосали, сосут и будут сосать. До победного конца. Пока, типа, не лопнут...

– Не л-лопнут, – объявил Армеец. – Ты Атасов – идеалист. И не мечтай, Саша.

Вместо ответа Атасов наподдал. Мрак вокруг салона сгустился. Машин стало еще меньше. Села попадались все реже. Дорога сделалась – похуже и поуже. О лобовое стекло начали разбиваться первые капли надвигающегося ливня.

⁶ Замечательная научно-популярная телепередача «Очевидное – невероятное» выходила регулярно, по субботам, с февраля 1973 года по 1994 год, когда была закрыта из-за отсутствия финансирования. Ведущий – профессор Сергей Петрович Капица

Глава 2

ТОВАРИЩ ПОРИШАЙЛО

– Сколько ты его на нарах продержатъ сможешь, г-м? – холодно поинтересовался Артем Павлович, откидываясь в высоком кожаном кресле. Огромные напольные часы с боем, по величине трехкамерного холодильника, показывали без пятнадцати шесть. Стоило только взглянуть на их вычурные формы, перевести взгляд на обитые красным деревом стены и потолок, оценить изысканную мебель, стилизованную в духе французского ренессанса, как в мозгу, подобно газовым пузырям со дна гнилого болота, сами по себе всплывали всевозможные импортные словечки: разные там Лувры, Тюильри, Пале Ройали, Тадж-Махалы и прочие названия, какие только отыскивались в голове.

Впрочем, сам хозяин кабинета к царящей вокруг роскоши привык относиться с прохладцей. Приелась она ему. А потому и воспринимал окружающие его изыски – как должное.

Не говоря уже о том, что согласно внутрисемейному разделению обязанностей, сложившемуся в клане Поришайло, и не его то была забота. Ремонт и планировкой этой квартиры, окнами на оперный театр, как впрочем, и всех предыдущих (тоже окнами не на мусорники), ведала и заправляла достойная половина Артема Павловича – Елизавета Карповна Поришайло.

Будь то райкомовская дача или обкомовская пяти-комнатная квартира в Липках, 3-х этажный особняк в Конче Заспе, с мраморным причалом, позволявшим, при необходимости, и линейный крейсер пришвартовать, вопросы строительства в семье Поришайло являлись прерогативой супруги Артема Павловича. И следует признать, – покоились на ее хрупких плечиках, как на железобетонном перекрытии.

На протяжении долгого и многотрудного пути, проделанного Артемом Павловичем по служебной лестнице, Елизавета Карповна приобрела такой внушительный опыт в производстве строительных работ, что играючи затыкала за пояс бывалых прорабов, а плиточников, каменщиков и штукатуров размазывала носами по их творениям легче, чем иные домохозяйки теплое сливочное масло – на бутерброды намазывают. Один вид Елизаветы Карповны, в особенности, если ей случалось надменно поджать губы, повергал работяг в ужас, временами перераставший в панику.

– Так сколько продержишь, г-м?

Задав вопрос, Артем Павлович откинулся в кресле, вместо которого вполне бы мог приобрести пару не самых плохих иномарок. Несмотря на разгар субботнего вечера, Артем Павлович был одет в строгий деловой костюм и светло-голубую, застегнутую на все до единой пуговицы, рубашку. Дряблую шею господина Поришайло украшал темно-сиреневый галстук. В сочетании с бледным, одутловатым лицом, аккуратным седым ежиком на голове и сложенными на животе пухлыми холеными ручонками, Артем Павлович немного напоминал дорогого покойника, тщательно подготовленного в последний путь.

Установленный на столе multifunctional телефон работал в режиме громкой связи. Селекторные совещания с обязательной раздачей слонов проштрафившимся начальникам рангом ниже вошли у Поришайло в привычку. По-другому он с подчиненными разговаривал редко, разве что в самых экстренных случаях.

– Так сколько, Сергей Михайлович? – повторил вопрос Поришайло.

Полковник Украинский многозначительного засопел из динамиков:

– До понедельника – сто процентов, Артем Павлович.

Голос у Сергея Михайловича был безрадостным, какой впрочем, и положено иметь чиновнику, у которого и погоны, и мундир, и милое сердцу кресло оказались поставленными на карту. Со всеми вытекающими последствиями.

– До понедельника... Они уже и артистов разных задействовали. И депутатов подпрягли... Вмешается кто посерьезнее – Ледового придется отпустить. – Украинский умышленно сделал ударение на последней фразе.

«Пора бы и вам, Артем Павлович, подключаться, – с тихой злобой думал полковник. – Мне целиком понятно ваше желание и дальше загребать жар чужими руками, только, похоже, что сам я Ледового за глотку долго не удержу. Не та глотка...»

– Придется отпустить, – мрачно добавил Украинский и умолк.

– Г-м... – ответил Поришайло и прикрыл глаза. Как уже известно читателю, Артем Павлович предпочитал, чтобы в случае провала операции на боевом тотеме⁷ Виктора Ледового болтался скальп одного полковника Украинского. – Г-м...

Немного поиграли в молчанку.

– Хорошо, – наконец сказал Поришайло, хотя, на самом деле, ничего хорошего не видел. – Как там у тебя с камнями?

– Пока неизвестно, Артем Павлович. Сегодняшний обыск на квартире Ледового положительных результатов не дал. В головном офисе тоже глухо... Как в танке.

– Г-м... А что со шлюхой? – поинтересовался Артем Павлович, имея в виду Анну Ледовую.

– Ведем наблюдение, – бодро соврал Украинский.

* * *

На самом-же деле картина была несколько иной. Накануне, то есть в пятницу вечером, безымянный желторотый щенок увел Анну Ледовую, мерзавца Бонифацкого и их бесстыжую сводню – Кристину Бонасюк прямо из-под носа его людей. *«Ловко, нагло и особо дерзко»*, – вертелось на языке Украинского. Но и это было не все. В ходе преследования беглецов одна из машин с людьми Украинского влетела под тяжелый «Камаз». После столкновения с грузовиком «Волга» годилась разве что в металлолом, а троих его бойцов довелось отвезти в больницу «Скорой помощи» на улице Петра Запорожца, с увечьями разной степени тяжести. Люди Сергея Михайловича с ног сбивались, разыскивая негодяев по всему городу, но четверка – как в воду канула. Разъяренный полковник вспомнил о несчастном Бонасюке:

– А ну-ка ко мне подлеца, живо!

Вась Вась опомниться не успел, как сидел на нарах. Следователь и Близнец вцепились в него пираньями:

– Кто он, твою мать?! Колись, сука! Где они могут прятаться? Говори, жирная сволочь!

Вась Вась буквально взвыл от страха и отчаяния. Он третий день сидел дома, приходя в себя после устроенной Следователем и Близнецом взбучки, так что знал не больше самого полковника.

– Я, поистине, все вашим товарищам доложил, – клялся Вась Вась, рыдая. – Как на духу... Мамоу клянусь... И про Бонифацкого, и что он в Киев прилетает... Честное пре-честное слово...

– Где твоя жена?! – напустился на Вась Вася Следователь.

– У кумы, – лепетал несчастный Вась Вась, – у Ани Ледовой.

⁷ Термин первоначально заимствован у североамериканских индейцев оджибве, на языке которых тотем означает знак, герб клана, а также название животного, почитаемого кланом. В данном случае – нечто вроде боевого знамени, что ли

Следователь с Беглецом переглянулись. Квартира Ледовых в центре города уже подверглась милицейскому налету, и оказалась пустой, как журавлиное гнездо в декабре.

– За нос нас решил поводить, да? – многообещающе зарычал Близнец.

– Поистине так! – взвизгнул Бонасюк. – Мамой клянусь! У кумы она! Аня звонила... – и Василий Васильевич сбивчиво, но точно пересказал свой недавний телефонный разговор с Анной Ледовой. – Аня сказала, – Крестя выпила лишнего, ну и отдохнуть прилегла... – жалобно добавил Бонасюк.

– Откуда Ледовая тебе звонила? – надвинулся на него Следователь.

– Из дому, поистине...

– Ну все, Бонасюк! – взревел Близнец, хватая Вася Васю за шиворот.

– Время звонка? – придержал Близнеца Украинский.

– По-честному не помню, – запищал Вася Вася. – Час назад. Или, поистине, полтора...

Украинский поманил Следователя пальцем:

– Давай живо на телефонный узел. Мне нужны все входящие звонки в его квартиру за сегодня.

– И исходящие тоже! – рявкнул Сергей Михайлович в спину заспешившего к двери Следователя.

Едва за тем захлопнулась дверь, полковник обернулся к Близнецу:

– А этого... В камеру, к чертовой бабушке.

Следователь оперативно управился с телефонами, но и тут Сергея Михайловича ждало разочарование, – Анна звонила с мобильного. Украинский присвистнул:

– Вот черт. Не прет так не прет. Навыдумывали техники разной, – никого толком за жопу не возьмешь.

Только утром в субботу метрах в четырехстах от ставшего фатальным для преследователей перекрестка обнаружили фрагменты пластикового бампера «БМВ». В руки Украинского угодила государственный номер золотистого коня Андрея Бандуры, но праздновать победу оказалось рано. Украинский созвонился с ГАИ, и вскоре стало известно, что «БМВ» зарегистрировано на имя некоего гражданина Помянского, уроженца Киева, владельца и директора коллективного малого предприятия «Тинко», занятого сборкой и продажей персональных компьютеров.

Гражданин Помянский и чихнуть не успел, как сидел в кабинете Следователя, у которого откровенно чесались руки.

Из последовавшего допроса компьютерщика выяснилось, что свое золотистое «БМВ-325», 1979-го года выпуска он передал по генеральной доверенности некоему гражданину Протасову Валерию Викторовичу.

– Я его не знаю совсем, – божился перепуганный до смерти Помянский. И похоже было, не врал.

Временно пристроив Помянского в изолятор, Следователь с Близнецом заявили к оформлявшему сделку нотариусу. В результате этого визита (разговор с нотариусом вышел коротким, но содержательным и по душам), на стол полковника Украинского легли паспортные данные Протасова.

– Прописан в городе Припяти?!⁸ – застонал Сергей Михайлович и взялся за голову. – Ох и бардак, елки-палки.

Следователь с Близнецом – только таращили глаза.

– Ох и бардак...

⁸ Припять – девятый по счету в СССР атомоград, город спутник Чернобыльской атомной электростанции. Находится в Киевской области, на берегу одноименной реки. Основан 4 февраля 1970 года. Покинут населением 27 апреля 1986 из-за аварии на ЧАЭС

Охваченный приступом ностальгии, Украинский припомнил дорогие сердцу советские времена, когда без прописочки киевской – ни на работу устроиться, ни угла снять. Не говоря уж о трудовой книжке, военном билете, справке из ЖЕКа по форме номер три, и прочих достижениях социализма, удерживавших граждан от чрезмерной самодеятельности посредством эдакой уродливой, но крепкой и надежной пуповины. Бери и дергай, кого захочешь, словно помидоры с грядки.

– Ох и бардак развели... Черт знает что... И как тут работать?

– А что такого, товарищ полковник? – не понял шефа Близнец.

– Забери от меня этого недоумка! – взревел Сергей Михайлович. Близнец отшатнулся к двери.

– Припяти?! – повторил Украинский в бешенстве. – Припяти, мать вашу за ногу!

– Товарищ полковник, – робко начал Следователь. – Этот Валерий Протасов – рэкетир, скорее всего. Я у задержанного Помянского по глазам видел – боится гаденыш – аж руки дрожат. Очень на то похоже, что машину Помянский за долги отдал. Или в счет штрафа... По понятиям ихним...

Украинский недоверчиво поглядел на Следователя:

– Да они все нас боятся, предприниматели эти хулевы. Любого прихлопнуть – проще мухи. Только копни – везде нарушения...

– Ну... – Следователь уставился в паркет.

Сергей Михайлович задумался. Не исключалось, что Следователь и дело говорил. По крайней мере, стоило проверить. Украинский связался с УБОП. Пока в «шестерке» готовили ответ, полковник выдернул из камеры Бонасюка и обрушился на него, как Минотавр на Тесея. Несчастный Бонасюк (язык Вась Вася к тому времени заплетался от страха, он почти ничего не соображал) сознался, что да, знает Валерия Протасова.

– Огромный такой, будто медведь, поистине. Только он на джипе катается...

– Что еще знаешь? – нависал над Вась Васем Следователь. – Живо колись!

– Ты Бонасюк доиграешься в молчанку! – вторил ему Близнец. – Я тебя, мать твою, в последний раз предупреждаю!

– Я, поистине... – стонал Вась Вась.

– Ты мне доупираешься! – грозил Следователь.

– Да я, по-честному...

– Адреса! Фамилии! Быстро давай! – сверкал глазами Близнец.

– Да я, мамой клянусь...

– Ну все, Бонасюк, сам напросился!..

В этот драматический момент жизни Василия Васильевича на столе Следователя затрещал дисковый телефон. Следователь снял трубку:

– Капитан Журба слушает... Ага... Сергей Михайлович, Вас, – Следователь зажал ладонью микрофон, – супруга.

– Сережа?!

– Я.

– Ты еще на работе?!

– Ну да... – немного опешил Украинский.

– Ну как же так?! – взвилась Лида Украинская. – Ты же обещал?!

Сергей Михайлович всплеснул руками, потому что до него дошло.

– Ты же обещал?! Ну, как же так?!

Украинский хлопнул себя по лбу.

– Ты что, забыл?!

– Да не забыл я...

– Все уже за столом сидят. Мы тебя в дверь ждем, а ты на работе торчишь!..

Сергей Михайлович устало вздохнул. Конечно же, он не забыл, что у Светочки День Рождения. Как можно? И подарок доченьке лежал в машине. Просто столько всего навалилось.

– Зарапортовался я немного, Лида... – полковник потер виски, – запарка тут вышла...

– Ты когда будешь? – без особой надежды спросила Лида, за годы службы супруга в органах приученная буквально ко всему.

– Ох, не знаю...

– Хоть по телефону поздравь, – сказала Лида Украинская, сообразив, что полковнику домой не скоро. – Она с Игорем пришла. Только тебя и ждали...

Украинский снова вздохнул:

– Да, конечно. Передай трубочку.

Света полгода, как встречалась с Игорем. Парень учился в КПИ, и со Светкой Украинской познакомился совершенно случайно. *«На каком-то там „сэйшене“, как у нынешних пионеров принято говорить...»* Отношения у молодых людей потихоньку переросли в серьезные. Сергей Михайлович приглядывался к пареньку глазами любящего отца (крепко любящего), немного огорошенного тем обстоятельством, что ненаглядное чадо как-то совсем незаметно выросло из ползунков. *«Как это все же быстро вышло...»*

По мнению Украинского, Игорь вроде бы и ничего был парень. *«Ничего-то ничего, но волосы эти. Что за волосы? Ну, никуда негодятся...»* Волосы Игореша дочка ласково называла «хаером».

«Что за «хаер» такой?» – осуждающе бурчал Украинский. Ну, стилиага, и все...

«Папочка, он неформал. Не-фор-мал», – поясняла полковнику Светлана.

«Что за неформалы такие, не пойму я? – спрашивал у дочки Украинский. Служба в КГБ осталась в прошлом, он отстал от жизни. – Они что, против парикмахерских?»

«Он компьютерщик, – просвещала отца Светлана, – на «АПРОДОСе» учится. У них половина факультета с такими волосами ходит».

«Что за «АПРОДОС» такой?» – для виду хмурился Украинский.

«Автоматическое проектирование объектов динамических систем, – озорно улыбалась Света Украинская, – ну, или что-то в этом же духе».

«А, – чесал затылок Сергей Михайлович, – динамических... Ну, это хорошо, что парень учится. Это правильно. Компьютерщик, да?»

Вообще-то, паренек пришелся полковнику по душе. В отличие от тех, что окружали доченьку в Академии. Те в большинстве были сытыми недоумками, беззаботными отпрысками обладателей тугих кошельков. И учеба до лампочки, не учеба, а времяпрепровождение, и дня не мыслят без бара или кегельбана какого. *«Вот и хорошо, что технарь, – успокаивал себя Украинский. Технарям полковник симпатизировал. – Только волосы эти, – хоть постриг бы кто...»*

– Алло, папочка?! – звонко выдохнула в трубку Светлана.

– Доця?! С Днем Рождения, доченька. Ты уж извини, что так вышло...

– Ну что ты, папочка...

Пока Украинский говорил в трубку, трое других участников сцены по эту сторону линии внимательно наблюдали за ним. Следователь с Близнецом – с показным умилением, а Вась Вась – со скрытой надеждой: *«Авось, поистине, сердце полковника возьмет, да и растопится...»*

Повесив трубку, Украинский опять вздохнул.

– Сергей Михайлович? Этого в камеру? – нарушил молчание Следователь.

– В камеру? – рассеянно переспросил Сергей Михайлович. – В камеру? – в голове полковника звонким колокольчиком еще звучал голосок доченьки.

– Ну да... – повторил Следователь.

Полковник Украинский задумчиво покосился на Вася Вася. Тот сидел, затаив дыхание. – Да пожалуй, что нет, – негромко проговорил Украинский. – Этого мы отпускаем...

* * *

К началу седьмого, когда Украинскому пришло время звонить Артему Поришайло с докладом, стало совершенно очевидным, что Валерий Протасов, Александр Атасов, заика по кличке Армеец и младший член банды, которого подельники называли Андреем, – рэкетеры из группировки Виктора Ледового. Кроме того, этот самый Андрей, согласно описаниям «Глиняных голов» и Бонасюка, идеально подходил на роль негодяя, отличившегося в субботу после обеда в сауне.

– Всю малину мне обосрал, молодчик... – потрясал кулаками Сергей Михайлович. Беспардонная наглость, с какой молодой бандит обвел вокруг пальца его костоломов, похитив Анну Ледовую со товарищи, Украинскому, как это не парадоксально, даже подняла настроение:

– Погоди, – многообещающе нахмурился полковник, – погоди-погоди, пионер хулев!.. Попадешься в руки, пожалеешь, что мама не свет пустила...

Впрочем, докладывать Артему Павловичу о досадном проколе, случившемся у подчиненных, Сергей Михайлович не спешил.

«Ничего ничего. Пускай побегают. Где-нибудь, да засветятся, – куда они денутся...»

Поэтому он достаточно бодро отвечал патрону, что все под контролем, ведется наблюдение. Короче – злодеи под колпаком.

– Ведем наружное наблюдение, Артем Павлович...

– Смотри, г-м, не упусти их, Сергей Михайлович, – посоветовал полковнику Поришайло. – Не исключено, Анна нас прямо к камешкам приведет...

«Пустите воды напиться, а то так жрать охота, что переночевать негде, – мысленно ответил Украинский. – И партнера бывшего на нарах сгнои, и миллионы тебе на блюдечке подай... Аппетит приходит во время еды, да, Артем Павлович?...»

– Оперативных данных на это нет, – попробовал возразить полковник.

– Это у тебя нет, – оборвал полковника Поришайло. – При малейшем изменении обстановки – немедленно информируй.

«Спешу и падаю», – злобно огрызнулся Украинский.

– По моей информации, Артем Павлович, Ледовой с супругой – как кошка с собакой живут. Постоянные ссоры, скандалы, иногда – с мордобоем. Маловероятно, Артем Павлович, чтобы при таких натянутых, мягко говоря, отношениях, муж жене столь круглую сумму денег доверил...

– Я тебе не говорю – «доверил». Я говорю – «приведет». При чем одно к другому, г-м?... – процедил в микрофон Поришайло. – А авантюрист Бонифацкий, по-твоему, даром вокруг Анны Ледовой вращается?! Свет клином сошелся на шлюхе сорокалетней?!

Вместо ответа Украинский закусил губу.

– Ладно, Сергей, – холодно бросил Артем Павлович. – Держи меня в курсе. – Поришайло качнулся в кресле вперед и пальцем оборвал соединение.

* * *

Распровавшись с Сергеем Михайловичем, Поришайло некоторое время сидел неподвижно, словно какое-то языческое изваяние. Затем встал и неторопливо направился к бару. Извлек хрустальный фужер, бутылку армянского коньяка, тарелку с нарезанным дольками лимоном и стограммовый пакет сыра ломтиками. Установил спиртное с закусками на поднос

и напевая «Комсомольскую богиню» Булата Окуджавы вернулся к креслу. Плеснул коньяк в фужер, полюбовался на свет, отхлебнул немного, подержал во рту и только потом сделал первый глоток. Прикрыл глаза, наслаждаясь блаженной теплой волной, медленно распространившейся по телу. Потянулся за сыром с лимонами, слегка пересыпанными тусклыми кристаллами сахара. Откусил и скривился от сковавшей рот оскомы.

– Г-м. Г-гм.

Сделал второй глоток. Отчего-то, совершенно неожиданно для себя, вспомнил закадычного приятеля молодости Левку Филяшкина. С Левкой они в комсомоле начинали, еще, г-м, при Хрущеве. Поришайло усмехнулся одними уголками губ. Забавный был паренек. Шебутной. А лимоны с сыром под коньяк были коронным Левкиным блюдом. Без них ни одна комсомольская пьянка не обходилась, а пьянки тогда – частенько случались. Славные были времена.

Поришайло попридержал было руку, потом как бы отмахнулся от самого себя и снова наполнил фужер. Славное времечко, что ни говори. Молодость всегда в радужных красках вспоминается. Даже шахтерам, г-м. А тем более, если провел ее так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы. Как и учил матерый комсомолец Николай Островский, который еще и сталь обожал закалять.

– Славные, – вслух повторил Поришайло. Особенно, если не своды штольни или прокатный стан вспоминаются, а лето в комсомольских здравницах. Черноморское побережье Кавказа, либо Крым, на худой конец. Пирожки с вишнями – по пять копеек, вино молодое, шашлычок – вечером. Пляж отдельный, от прочего народа забором отгороженный. Море вроде и общее, а все равно – приятно. Женщины из прислуги понятливые. И без лишней скромности, г-м, чтобы долго уговаривать не приходилось. Незабываемое чувство торжества, когда к первому в жизни закрытому партийному распределителю прикрепили. Первый распределитель – как первая, г-м, любовь. Только слаще еще. Пускай для самого низового звена, для холуев, можно сказать. Ничего, г-м. Лиха беда – начало. Главное, что приобщился к касте избранных, хотя бы полноздри, но засунул в кормушку, из которой сильные мира сего хлебнут. Хотя бы одной пяткой – но влез на первую ступеньку того самого паровоза, г-м, что вперед летит. Согласно известной революционной песне. Летит, как птица. Прямо по головам разного быдла внизу, радующегося зарплате в сто рублей, квартирам в хрущевках и поганой мокрой колбасе, добытой в результате трехчасового стояния в очереди.

«Странно, – нахмурился Поришайло. – С чего это я, г-м, покойного Филяшкина вспомнил?..»

А неплохой был парень. Весельчак. Балагур. Приколист, как в нынешние времена молодежь выражается. Душа любой, г-м, компании. Гитарист.

Долгое время Филяшкин верховодил студенческими строительными отрядами. Курировал, от комсомола. И, видимо, отламывалось ему там недурно. Денег у Филяшкина всегда было – пруд пруди. По тем скромным временам. По крайней мере, когда гнать валюту за бугор получалось далеко не у каждой шишки, а за особнячок пятиэтажный, с бассейном, г-м, и расстрелять могли, под горячую руку.

«М-да... Лева Филяшкин... Светлая, г-м, голова...»

– Дурак ты! – сказал как-то Левка Поришайло. Они после баньки отдыхали. Пили пиво из поллитровых граненых кружек, сейчас такие – днем с огнем не сыщешь... Заедали осетриной. Пару бутылок казенки не забыли с собою прихватить, чтобы послебанное закусывание деликатесом не превратилось в банальную обжираловку.

Ерш развязал Филяшкину язык, которым тот, впрочем, и в трезвом виде, порой, болтал как помелом.

– Дурак ты, Артем... – в лоб заявил Филяшкин Поришайло. – Дурак в квадрате... Что ты задницу рвешь – «Фигаро здесь, Фигаро – там»?..⁹ Кому это надо? И себе жить не даешь, и начальству – неуютно...

Молодой Поришайло обратился в слух.

– Хочет дядя «хрю-хрю» кукурузу в заполярье сажать – пускай себе сажает. Флаг ему в руки. Наше дело – телячье. Знай себе – поддакивай... Ритуальные завывания шаманские, которые идеологический отдел ЦК КПСС производит – ретранслируй в массы, и все!.. «Фигаро здесь, фигаро там»... Дурак ты.

– Лева, – начал Поришайло, – дык...

– Да не дык, – оборвал Филяшкин, – а повторяй, как попугай, и все дела. Я вот, со своими стройотрядовцами, в этом году на Северном Кавказе был...

– Ну и что там?

– Так вот там, Тема, над Кубанью, на высоком берегу, здоровенными, выкрашенными белой краской валунами надпись выложена.

– Какая надпись? – насторожился Артем. Несмотря на то, что выпил немало, он сидел и терзался одной мыслью: *«Вдруг Филяшкин на КГБ работает? Сиксотом? Доверенным лицом? Сразупосле беседы в баньке – за оперативный отчет засядет?»*. Среди комсомольцев стукачей было, как ныне ВИЧ-инфицированных среди педерастов, так что...

Поришайло пообещал себе, что сразу после сауны ринется в ближайшее КГБ. Филяшкина следовало упредить.

– Так какая надпись? – трезвея на глазах, переспросил Артем.

– **ТЕЧЕТ ВОДА КУБАНЬ-РЕКИ – КУДА ВЕЛЯТ БОЛЬШЕВИКИ**, – голосом Левитана¹⁰ продекламировал Филяшкин.

– Ну и что с того?..

– А ничего, – обрадовался Лева. – Ни-че-го. Ездят вокруг, пешком ходят, и у виска никто не кружит. Это потому, что так надо! Усек?

Поришайло кивнул.

– Говорит Никита Хрущев, что коммунизм к 80-му году для всех построят – ты и поддакивай. Ты что, не понял, Тема, что он, коммунизм гребаный, для нас с тобой – уже построен?.. Ладно... Давай еще по одной...

– Коммунизм для коммунистов придуман, – продолжал Филяшкин после того как они, цокнувшись, опустошили по рюмке, запив водку пивом. – Уфф... И уже построен в общем и целом. Для меня, тебя и тех, кто выше вскарабкался.

Филяшкин прервался, оторвал кусок белого рыбьего мяса и сунул в рот. Глаза его слезились. Лицо покраснелось:

– Уфф... Меня, Тема, вставило. Уфф...

Левка содрогнулся от мощной отрыжки, вытер жирные пальцы о скатерть и снова с жаром заговорил:

– Наша главная задача, Тема: из обоймы не выпасть. В народ... Не выпадешь – ништяк. Выпадешь – хана. – Филяшкин указал пальцем вниз. Жест получился похожим на тот, каким зрители гладиаторских боев отправляли павшего бойца в загробный мир. К Харону.¹¹

⁹ Из оперы «Севильский цирюльник» (1816) итальянского композитора Д.Россини (1792–1868) по либретто литератора Стербини, в основу которого легла пьеса П.Бомарше

¹⁰ Левитан Юрий Борисович (1914–1983) – диктор Всесоюзного радио с 1931, диктор Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, народный артист СССР. Обладатель редкого по тембру и выразительности голоса. В годы Великой Отечественной войны читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего И.Сталина, его голос был знаком каждому жителю СССР.

¹¹ Харон – в греч. мифологии перевозчик мертвых из мира живых в царство мертвых

На угрюмую речку Стикс.¹² *«К бенинойбабушке, г-м»*. – И вверх ползти, по возможности. Потому как, чем выше влез – тем больше коммунизма. Жирнее икра в пайке, шикарней квартира, чище пляж, слаще шампанское...

Поришайло автоматически, по молодости лет и согласно отработанным с детства рефлексам, яростно замотал головой.

– Не согласен я...

– Мудак ты, – беззлобно выругался Филяшкин. – Коммунизм давно есть. Причем это такая вещь хорошая, что на всех ее не хватает. Хорошего – всегда мало... Не говоря уже о том, Тема, что кто-то ведь и говно за нами выгребать должен. Усек?... Не самим же за лопаты браться?... А?..

– Или ты думаешь, – с озорным смешком продолжал Левка, – пролетариев с Запада для говноуборки выписывать?... Так не выйдет ни ерша. У них там, в цитадели зла капиталистического, классный работяга побольше нашего секретаря горкома получает... Последнее тебе – для размышлений на досуге...

После пьянки Артем в КГБ не побежал. Пьяным был – в стельку. На следующий день подумал, затем крепко подумал, потом еще крепче, и тоже не пошел. А сам разговор засел в его памяти навсегда.

Оба они, и Филяшкин, и Поришайло, долгое время шли бок о бок. После комсомола – в инструкторах одного из райкомов Днепродзержинска ходили. Вместе в горком перебрались. Пока их не развело в разные стороны. Ротация у партийных чиновников в Советском Союзе была похлеще, чем у армейских офицеров.

Поришайло забросило в Брянскую область РСФСР. Филяшкин, у которого, вдобавок ко всем его неоспоримым плюсам, еще и тесть чуть ли не в ЦК партии оказался, очень скоро попал в Белокаменную. Он рос, как гриб после дождя. Так продвигался, как Поришайло и мечтать не смел. Андроповскую смурную, тяжелую годину Левка Филяшкин встретил, будучи крупной шишкой в Министерстве Внешней торговли СССР. Чуть ли не главком командовал, с Поришайло к тому времени и созваниваться перестал, даже открытки слать ленился. Как пошли андроповские разоблачения, аресты и суды, так пришлось Левке Филяшкину из окна собственного кабинета сигать. Прямо в бетон мостовой. Головой вниз. Сам Филяшкин скакнул, или товарищи помогли, Поришайло, конечно, не знал. И знать не хотел. Да и не в том суть была. Чем выше влез, г-м, тем больше вниз лететь.

Поришайло, напротив, звезд с неба не хватал и лихой карьеры не сделал. Сидел в захолустье на сельском хозяйстве, пока поднятая Андроповым крутая волна не подхватила его на гребень и не понесла наверх. Поришайло занесло в Киев, где, как нам уже известно, он занял вакантное кресло первого секретаря Октябрьского райкома партии. Предшественника Артема Павловича, кстати, буквально накануне, увезли в больницу с инфарктом. После того, как комиссия партийного контроля принялась за проверку финансовых операций райкома. Игра шла такая, что из больницы прежний секретарь прямиком отправился на кладбище. Правда со всеми подобающими его рангу почестями.

Нельзя сказать чтобы методы, применяемые генсеком-гебистом, пришлось Артему Павловичу по вкусу. Вовсе нет.

«Спокойно осмотримся по сторонам, а тогда и поглядим, что сделать», – рассуждал в те времена Поришайло. С одной стороны – крутой подъем вверх влек за собой несомненные блага. С другой – как этими благами наслаждаться со спокойной душой, если чем выше кресло, тем отчетливей видны за окнами неприглядные дали Колымского края? Истина, как

¹² Стикс (греч. «ненавистный») – в древнегреческой мифологии – богиня, дочь Океана и Тефиды, олицетворение первобытного ужаса и мрака, и, одновременно, мифическая река, отделявшая мир живых от мира мертвых

водится в большинстве подобных ситуаций, лежала где-то посередине. С благами, но без Колымы.

Примерно такими соображениями и руководствовался Артем Павлович, принимая дела в райкоме и наблюдая, как на улице мартовское солнце расправляется с последними сугробами.

Поскольку порядок был принят такой, что каждая компания, запускаемая сверху в низы (словно баллистическая ракета – на головы супостатам), должна приобрести оттенок массового психоза – не особенно искреннего, но массового – непременно, Поришайло немедленно включился в борьбу, организовывая милицейские облавы в кинотеатрах, отлов опоздавших на работу и не вернувшихся после обеденного перерыва. Глупость подобных мероприятий Артема Павловича не смущала. Действительно, ну ничем не хуже Брежневского поворота рек из Сибири в Среднюю Азию, или присвоенная тому же Брежневу высшего военного ордена через тридцать лет после окончания войны. Или той самой огромной надписи на крутом Кубанском берегу, о которой ему еще покойный Филяшкин рассказывал.

«Течет вода Кубань-реки куда велят большевики».

Красиво сказано, г-м.

Куда серьезней всей этой возни с производительностью труда и выявлением панков по стриженным вискам, была Андроповская бомбежка, обрушившаяся на головы воротил советской теневой экономики. По большому счету, это был самый настоящий передел сфер влияния, который так обожают, за горы трупов, репортеры в тех странах, где кое-что слышали о свободе слова. Даже той скудной информации, что получал Артем Павлович по долгу службы, было достаточно, чтобы заставить его переосмыслить многие ценности. Например задуматься над тем, что закрепительный талон в закрытый партийный распределитель, в сущности, не такое уже и благо, а чеки Внешпосылторга и сертификаты, принимаемые в «Березках»¹³ – ничто в сравнении с долларом.

Участвуя во всех мероприятиях скоротечной Андроповской эпохи, Поришайло излишнего рвения не проявлял и старался мундир партийный кровью своих же вчерашних товарищей не марать. Потому падение Андропова на нем никак не отразилось. Краткое правление Черненко прошло и вовсе незаметно.

Как будто йог в нирвану погружен,
Лежит в гробу – злой старостью сражен,
И уж влечет его вперед лафет...
Пустует трон... надолго? Ясно – нет...¹⁴

Артем Павлович ухмыльнулся, припомнив забавную историю тех лет: *«Да уж, был инцидент. Поймали писаку-студентшику на крамольных стихиках о безвременно усопших генсеках. На три года лагеря стихиков себе настроил, рифмоплет, г-м, паршивый».*

«А могли и в психбольницу заточить, на принудительное, г-м, лечение. Так что повезло еще рифмоплету».

В эру Горбачева Поришайло круто пошел наверх, будто подхваченный восходящим воздушным потоком надувной геодезический зонд.

¹³ Инвалютные магазины «Берёзка» появились в середине 1960-х, они принадлежали Всесоюзному объединению «Внешпосылторг» Министерства внешней торговли СССР. Работали только в крупных городах, Москве, Ленинграде, Киеве, Минске. Прекратили существование в 1988 году по постановлению Совмина СССР

¹⁴ Стихи Ярослава Зуева

«И Украинского – негодяя, за собою волок», – мрачно подумал Поришайло. «А не тянул бы его, как барана за рога – потерялся бы Сергей Михайлович в финале Перестройки. И, либо забивать бы ему козла во дворе, при удачном для него раскладе, либо в земле гнить, – при плохом».

За более чем десять лет совместной работы психологическую карту своего протэжэ Артем Павлович изучил досконально. И плюсы, и минусы знал лучше самого Украинского. Исполнителен? – Да. Сообразителен – в меру. Склонен, особенно в пьяном виде к дешевой патетике Андроповского образца, к воплям на разные лады, под общим заголовком «Просрали Родину, гады», – еще как – да. Выпить любит? Да. Пьет редко, да метко? – Да. Пересажал бы всех без жалости, приди, не дай-то Бог, на постсоветское пространство новый товарищ Сталин, – и разговора нет. Пересажал бы, г-м, и погнал в теплушках на Крайний Север. И рука бы не дрогнула. И в первую же теплушку на самое почетное место дорогого патрона Артема Павловича Поришайло определил бы.

Корыстолюбив? Из кожи вон лезет, чтоб доказать, что нет. Но мы-то кое-что знаем... Еще незабвенный Владимир Ильич про прародителя чекистского, Феликса Эдмундовича, сказал как-то, что лицо мол, – как у подвижника, а изнутри, г-м, – взяточник и вор.

«Каждому сладенького, г-м, хочется...»

Поришайло наклонился, осушил четвертую за вечер порцию коньячку, закусил лимоном и снова прикрыл глаза.

«Промах за промахом, – подумал Артем Павлович, опять возвращаясь к Украинскому. – Старееет он что ли? Нюх теряет? Хватку утратил?» Поришайло кивнул самому себе. *«Так еще и очкипошел втирать, будто я все еще в горьковском кресле сижу».*

Хотя, с другой стороны, какая у чекистов хватка была? Откуда ей взяться? Хватали диссидентов патлатых да очкастых под локти, и в психиатрическую клинику волокли. А там уже врачи наши, димедрола не жалели. Или еще чего. Сажали на иглу, г-м, – и нету диссидента. Не даром же психиатров советских еще в 70-е из всех международных медицинских организаций поганой метлой вывели...¹⁵ А вот там, где реальные дела требовались, в Чили, Иране, Афганистане – сразу на жопу усаживались. Аьенде ушами прохлопали, Аятолле Хомейни не различили, сначала радовались ему, как кретины, а потом вышло, что зря радовались. В Афганистане промахнулись, в Китае – поскользнулись. Тем более, что сам-то Сергей Михайлович, насколько Поришайло было известно, в КГБ анекдотами антисоветскими занимался. Сколько насобирал? Два с половиной лагеря? Или, может – три? Да и милиция при Застое Брежневском звезд с неба не хватала. Дубинки со щитами разве что в телевизоре мелькали, когда Зорин, Каверзнев и Калягин¹⁶ про полицейский беспредел в странах западного мира калякали. Сейчас да, другое дело. Слов нет. С шантрапой разной на равных приходится тягаться. У каждого второго мудака – ствол в кармане. И ему, мудаку, безразлично, г-м, – по бутылкам в лесу палить или милиционеров отстреливать.

«А теперь ты, Сергей Михайлович, мне еще и брехатьвзялся...» – снова вернулся к Украинскому Поришайло. Даже головой покачал: *«Нехорошо, г-м. Нехорошо...»*

О том факте, что Анна Ледовая и Вацлав Бонифакций упущены слезкой, Артем Павлович узнал едва ли позже самого Сергея Михайловича. И безо всяких премудростей. Один из членов группы, выпасавшей Анну Ледовую, напрямую работал на Поришайло. Инкогнито, понятное дело. Как только первая «Волга» преследователей протаранила тяжелый грузовик, а вторая затормозила неподалеку, – вокруг метались люди, соляра из вскрытых баков текла

¹⁵ На самом деле, это произошло в 1983, когда за злоупотребление психиатрией в борьбе с инакомыслящими советских психиатров исключили из Международной психиатрической ассоциации

¹⁶ Политические обозреватели ЦТ в 1970-е – 1980-е годы

по асфальту и кто-то истошно орал, что сейчас вот-вот и полыхнет, человек этот спокойно вытянул мобилку, позвонил Поришайло и сжато обо всем доложил.

«*Стареешь, Сергей Михайлович*», – почти удовлетворенно констатировал Поришайло и в пятый раз потянулся за коньяком.

Попивая вечерами коньячок, Артем Павлович отдавал себе отчет в том, что алкоголизм, взрощенный на коньяке, пускай и самых дорогих марок, от своего родного брата алкоголизма, выпестованного на бормотухе с самогонкой, отличается – как два пингвина на льдине. То есть никак почти. Более того, Артем Павлович резонно полагал, что подвисяние на коньяке еще и опаснее, вследствие определенного самообмана, проистекающего из таких вот нехитрых соображений, что потребляя водку в одиночку, хотя бы понимаешь, что пропадешь, и надо что-то делать, пока не допился до лопнувших капилляров в носу. А глотая коньячок – просто интеллигентно и со вкусом коротаешь вечера, и придираешься к самому себе вроде бы как и не за что.

Пока Артем Павлович обмозговывал сию непустяковую проблему, на пороге его кабинета бесшумно появилась средних лет женщина: худенькая, а то и высохшая. Чересчур хорошо одетая. С надменным лицом и губами (даже и не губами, а двумя тонкими взбалмошными нитками), готовыми, казалось, в любую секунду поджаться в надменной гримасе. Лицо женщины несло на себе такой толстый слой макияжа, что воины-апачи, вступившие на тропу войны, пожалуй, ахнули, почтительно. А то и расступились бы, перед ней.

– Лиза, – тихо позвал Поришайло, у которого слух был развит, как у кота.

Женщина беззвучно пересекла кабинет мужа, зашла ему за спину и положила обе сухонькие ладони на трапециидальные мышцы Артема Павловича. Вернее сказать, на то место, где эти самые мышцы находились в прошлом. Молча принялась легонько массажировать шею мужа. Артем Павлович замурлыкал:

– Все боятся Артема Павловича, – проворковал Поришайло преобразившимся от удовольствия голосом, – А сам Артем Павлович боится ревматизма...

– Тема... – ласково начала жена, – Наташа звонила...

– Наташенька?.. – оживился Поришайло. – Когда?.. Почему ты меня не позвала, Лизонька?

– Ты по другой линии разговаривал. Не хотела отрывать... Подумала, что-то важное...

– Жаль, – искренне огорчился Поришайло. – «*Что может быть важнее звонка любимой доченьки?*»

Этим летом Наташа Поришайло завершала третий год обучения в Сорбонне,¹⁷ причем подавала такие надежды, что родители не могли нарадоваться. Артем Павлович ужасно скучал за доченькой, но чувства свои отцовские старался держать в узде, предпочитая удерживать единственного ребенка подальше от Родины. Там, на Западе, и образование – покачественнее, и климат помягче, и люди подороже, а жизнь – повеселее. Отчего-то, г-м...

– Она какого числа на Багамы собирается? – печально спросил Артем Павлович супругу.

– Не на Багамы. На Мальдивы, Тема, – у укоризной поправила Елизавета Карповна. – И нечего тебе беспокоиться. Она взрослая девочка...

– Да взрослая-то взрослая, – протянул Поришайло, – да волны эти, г-м...

Дочка Поришайло последний год всерьез увлеклась серфингом. Сам Артем Павлович предпочел бы теннис, или волейбол, или фигурное катание, г-м, да выбор был не за ним. Вся амуниция для серфинга была немедленно приобретена родителями и поверьте, это была лучшая амуниция серфингиста, какую только можно купить за деньги.

А Поришайло, в тайне, все равно психовал.

¹⁷ (фр. Sorbonne) – университет в Париже, основан в 1257 теологом Робером де Сорбоном

– Волны эти... – неодобрительно повторил Артем Павлович.

– Перестань каркать, Артем, – настойчиво посоветовала Елизавета Карповна. – Ей Богу, беду накличешь. Что ты, как ребенок, заладил – волны, волны. Она же с подружками едет. У Франсуазы папа – газетный магнат, у Барбары, если мне память не изменяет, – владелец трех сталелитейных заводов в Руре. Да с девочек на островах инструктора пылинки сдувать станут.

Поришайло грустно кивнул.

– А почему мне казалось, что на Багамы?..

– Да потому, Темушка, что слов других не знаешь, – довольно таки ехидно подковырнула супруга. В семье они были ровней. Одногодки. Познакомились друг с другом в зрелом возрасте, когда учились на курсах ВПШ и паритет в супружеских взаимоотношениях с тех самых пор научились соблюдать.

– Да? – обиженно переспросил Поришайло. – А я отчего-то...

– Вот от того самого, – безапелляционно сообщила Елизавета Карповна. – А еще пару рюмок выпьешь, – продолжила супруга, бросив многозначительный взгляд на полупустую бутылку коньяка, – Суматру от Земли Франца-Иосифа не отличишь...

– Ну, Лиза, тебе виднее, – примирительно сказал Поришайло. – Ты же у нас ученая женщина.

Елизавета Карповна, в бытность Артема Павловича заведующим отделом горкома, окончила высшие курсы, а затем защитила диссертацию. На тему «определяющего влияния идей марксизма-ленинизма в деле всемерного повышения урожайности озимых культур в сельском хозяйстве». В эру развитого социализма. Или что-то в этом роде. Не шедевр, конечно, бывало и покруче, но все равно – прошло «на ура». Ныне Елизавета Карповна склонялась к мысли, что если достать работу из архива, на совесть пропылесосить, все причастия «очень хорошо» заменить антонимами «очень плохо» – то, по нынешним временам, по новой защищаться можно. Как раз подумывала над этим. Доцент – хорошо, а профессор все-таки краше.

В свое время Артем Павлович, задействовав знакомых, выхлопотал для новоиспеченной кандидатши общественных наук непыльное доцентское местечко в Государственном Университете на кафедре марксизма-ленинизма, где Елизавета Карповна, до последних дней советской власти вдалбливала благодарным студентам удивительный предмет, называемый официально Научным Коммунизмом, а втихаря – законом Божьим.

После обретения независимости с рассказами про коммунизм Елизавете Карповне пришлось завязать. Но не беда. Полы драить в подземных переходах ей все равно была не судьба. Новое местечко вскоре нашлось – декана факультета менеджмента и рыночных отношений в одной из многих, выросших в последние годы, словно культуры вирусов на курином бульоне, академий всевозможного управления. Было бы кем управлять, а желающие всегда найдутся.

– А к нам, значит, в августе собирается? – задумчиво спросил Поришайло.

– Тема... Ты же сам знаешь...

– Надо будет путевки заказать. Да и махнем втроем на Мальту.

Елизавета Карповна нежно погладила мужа по голове.

– И действительно, Тема... Чтобы тут не торчать...

* * *

К девяти вечера, когда в кабинете Артема Павловича снова затрещал телефон, хозяин кабинета сидел в том же кресле, и клевал носом. Бутылка коньяка на столе распрощалась со своим содержимым, а лимоны и сыр перекечевали с блюдец в объемистый желудок госпо-

дина Поришайло, растянутый райкомовско-горкомовскими хлебами и нынешними олигархическими разносолами.

– Артем Павлович?..

– Ну?.. Чего у тебя, г-м?.. – Поришайло с натугой вышел из дремы.

«Ничего хорошего», – едва не брякнул полковник, но вовремя прикусил язык...

Картина, сложившаяся к позднему вечеру субботы, и вправду выглядела безрадостной. Поиски, предпринятые людьми Украинского по всему городу, не дали никаких результатов. Полковнику только и оставалось, что гадать на кофейной гуще – куда беглецы запропастились, если бы около половины девятого вечера ему не позвонил Бонасюк.

Как уже известно читателю, после полудня Вась Вась под конвоем Следователя и Близнаца был препровожден домой. Не от того, что у Сергея Михайловича прорезалась человечность, а на боевой пост. Бонасюк уже сказал (выплакал) все, что мог, и в камере от него не было толку. Украинский Бонасюка отпустил (временно, мать его), и вышло – правильно сделал.

– Поистине, как на духу, супруга мне звонила. Только что, – начал запыхавшись Бонасюк.

Далее Вась-Вась слово в слово передал Сергею Михайловичу информацию, полученную от дорогой супруги. Кристина с кумой Анькой сидела на даче Ледовых в Осокорках, а камешки Виктора Ивановича были похищены неким Вацлавом Бонифацким.

– Я о нем вам все по-честному докладывал, – ныл в микрофон Василий Васильевич.

«Добрался таки, урод чертов», – подумал полковник Украинский, – *плакали камешки Виктора Ивановича. Ну, теперь держись»*.

Далее Бонасюк сообщил, что четверо охранников, выставленных на даче Олегом Правильным, которых, кстати, Кристина перечислила поименно, ринулись вдогонку за авантюристом, надеясь перехватить его либо на железнодорожном вокзале Симферополя, либо уже в самой Ялте.

* * *

– Ты не беспокойся, Васенька, – всхлипывала в трубке Кристина. – Все нормально будет. Ребята надежные. Настигнут Вацлава.

– Ну и дела, поистине! – охал в ответ Бонасюк.

– Бесчестный негодяй! – продолжала жена, – как он мог с Анечкой так поступить? Как у него, подонка, рука поднялась?

– А где, поистине, Анна? – спросил Василий Васильевич.

– Спит, – дипломатично отвечала Кристина.

Анька к вечеру надралась вдрызг, что, собственно и позволило Кристине без помех дорваться до телефона. Будь Анна на ногах, – ни о каких откровениях и речи бы не было, – Анька заткнула бы ей рот в момент. Тем более, что и Атасов, выбираясь с дачи, сделал особый акцент на том, чтоб кумушки никуда не звонили: «Никому, типа. Засекут номер, – пиши, типа, пропало».

Сама Кристина, извечно скрытная с мужем (не жена, а одна большая недомолвка), в этот раз сдержать себя не смогла, – трещала, как самая настоящая сорока. Нервы были на пределе, с ней произошел словесный понос. Так уж вышло. Выболтав мужу все и вся, Кристина немного успокоилась. Вспомнила даже, что Вась Вась сидит дома некормленный, и некому о нем, бедолаге, позаботиться.

– Кушать захочешь, Василек – пожарь яичницу. Постное масло в сковородку залить не забудь.

– А сколько, поистине?

– Столовую ложку. А лучше – две, – инструктировала Вася Вася жена. – Макароны в кухонном шкафу. И, по-моему, несколько упаковок сухих супов там же лежат. Тех, что быстрого приготовления. Поищи. Мне на сдачу в супермаркете всучили.

Кристина Бонасюк в области питания оставалась убежденной приверженкой старых, дедовских традиций. Она совершенно справедливо полагала, что никакие свежемороженые и сухие полуфабрикаты, в какую бы красочную упаковку не облекались, никогда не заменят в рационе украинского борща с чесночными пампушками, вареников с творогом, гречневой каши с котлетами и еще много, чем сотни лет питались пращуры, слыхом не слыхивая о гастритах, колитах и прочих желудочно-кишечных хворях.

– Взять хотя бы микроволновку, – убеждала как-то мужа Кристина, когда тот загорелся идеей купить СВЧ-печку. – Да где это видано, чтобы курицу в три минуты приготовить? Да настоящую крестьянскую курицу и за три часа в духовке не протушишь. Жесткая останется, как резина. Что, интересно мне знать, с ней в микроволновке творится? И, чем, спрашивается, пичкают на фабрике бедную птицу, чтобы мясо в три минуты варилось?! Я это есть буду, а потом и сама на части расползусь, как эта курица несчастная?!

Что же касается отвратительных кубиков сухих супов и бульонов, так и самого Васю от них с души воротило. Тем более, что доходили до него смутные слухи, будто всевозможные «Галины-бланки» – не что иное, как перерасфасованный в новые упаковки корм для американских солдат, которым во Вьетнаме доводилось неделями торчать в джунглях. Мол, наделали его в Штатах сотнями тонн двадцать лет назад, а после позорного поражения так и гнило это дерьмо на армейских складах. Пока границы Союза не пали и не открылась заманчивая возможность спихнуть на постсоветское пространство весь накопившийся на Западе мусор.

Так оно было или не так, но, в данном случае – обстановка вынуждала не перебирать харчами.

– Приготовишь бульон, – поучала Кристина Василия Васильевича. – Макароны сварить отдельно. Худо бедно, червячка заморишь.

– А ты домой когда? – жалобно спрашивал Вася Вася.

– Не могу я куму в такое время одну оставить, – отвечала Кристина не менее жалобно, – телефон в Осокорках запиши. Если что – звони.

Вася записал. И телефон, и адрес, и остальное все. Он вообще сидел, шмыгая носом, с блокнотом на коленях и авторучкой в руке. Поэтому, как только связь с Осокорками прервалась, набрал номер Украинского и передал ему содержание беседы с точностью магнитофонной записи.

– Молодец, – гаркнул Украинский и, в свою очередь, кинулся звонить Поришайло.

* * *

– Что значит упустил, г-гм?! – захлебнулся Поришайло, услышав от Сергея Михайловича, что алмазы Ледового похищены, а Бонифацкий сбежал в Крым. – Ты, твою мать, шляпа!..

Полковник Украинский кусал губы и молчал.

– Интересно, – немного спустив пары, уже спокойнее спросил Артем Павлович, – как это так?.. Весь день глаз не сводил, а из особняка в Осокорках упустил, к чертовой матери? ... Я про особняк этот от тебя, г-м, г-гм, впервые слышу?

– Так я... – замялся Украинский, которому придумать что-либо удобоваримое – просто не хватило времени.

– Ладно, – вздохнул Артем Павлович, – после обсудим, Сергей Михайлович. – Поришайло внешне успокоился, его тон сделался таким омерзительно приторным, что у полковника мурашки поползли по спине – *«после обсудим, Сергей Михайлович... ну-ну...»*

– Дачу в кольцо возьми, – распорядился Поришайло, – Чтобы мышь летучая не проскользнула!

– Уже сделано, – отозвался Украинский, но Поришайло нетерпеливо перебил:

– Мила Сергеевна пускай вылетает в Крым. Обеспечишь ее всем необходимым. Свяжись с ней немедленно. И скажи, г-м, чтобы перед вылетом обязательно мне позвонила.

– Понял, Артем Павлович.

– Теперь вот что, Сергей Михайлович... У тебя люди надежные, г-м, в Крыму сыщутся?

– Так точно, – без запинки ответил Украинский. – Есть двое надежных ребят.

– При погонах?

– Так точно.

– Подключай в помощь Миле.

– Есть.

– И смотри, Сергей... Ты мне за ее безопасность – головой, г-м, отвечаешь...

– Понял.

– Дальше, г-м. Кто из бандитов Правилова в Крым рванул?

– Атасов, Протасов, Армеец и Бандура, – без запинки выговорил Украинский. Произнося последнюю фамилию, он поморщился, как будто обнаружил в супе толстую дохлую муху.

* * *

Услышав от Василия Васильевича имя молодчика, сорвавшего слежку за Анной Ледовой, Украинский сперва мысленно пообещал себе, что на первом же допросе отобьет мерзавцу валенком с песком обе почки. Затем надолго задумался – что-то скреблось в подкорке, а вот что именно – он пока не знал. Посидел, почесал затылок и, наконец, – припомнил. Кинулся к сейфу, извлек изъятые в Гробарях документы, выписанные на имя Андрея Бандуры.

«Вот это да... – сказал Украинский потрясенно. – Вот так совпадение...»

Впрочем, утомлять шефа этой удивительной подробностью полковник Украинский не спешил. Да и к чему? Назвал имена бандитов, и двинулся дальше.

– Выехали своим ходом. Предположительно – в девятнадцать ноль-ноль. Ориентировка на джип «Ниссан-патрол», 86-го года выпуска. Зарегистрирован на Валерия Протасова. Темно-синий металлик. Очень много труб безопасности на носу и еще больше – прожекторов.

– Обезьяны чертовы, – фыркнул Артем Павлович и, после минутного раздумья продолжил:

– Сергей Михайлович! Ты что хочешь, делай, но чтоб макак этих – и духу на полуострове, г-м, не было. Ты меня хорошо понимаешь?

– Лучше некуда, – отозвался Украинский.

– Ну, так действуй, г-м.

Поришайло оборвал связь, неуверенно поглядел на поднос, встал и, покачиваясь, снова направился к бару.

Глава 3

АРМЕЕЦ ИЛИ ПЕРВАЯ КРОВЬ

– О-однажды вызвали меня к но-новым русским, прицениться, какой ка-камин им вы-выкладывать. И во-во сколько ка-камин обойдется, – Армеец протер глаза и умолк, видимо собираясь с мыслями.

– Ну, и что дальше? – подстегнул Бандура, кинув очередной тревожный взгляд на подозрительно приумолкшего за рулем Атасова. Тот пока не допускал явных ошибок, вписывался в повороты, не петлял поперек дороги, но все равно Андрею не нравился. Стал уж слишком молчалив. Может, задумался о чем-то, но, похоже, засыпал на ходу. Андрей пару раз предлагал себя в качестве сменщика, но Атасов лишь отрицательно качал головой – рано еще. Наездишься, типа...

Бортовые часы показывали четверть второго ночи. Дождь то накрапывал, то давал короткие передышки. Вокруг «Мерседеса» царил беспросветный мрак, если не считать света собственных фар и габаритов несущегося впереди автомобиля случайных попутчиков. Машина эта (оказавшаяся впоследствии «Опелем-Омегой») села на хвост их «Мерседесу» около полуночи – до Умани оставалось километров тридцать. С тех пор «Опель» болтался за «Мерседесом» с упорством борзой собаки, взявшей заячий след.

Андрей всполошился, заподозрив неладное, Атасов беспечно отмахнулся:

– Темная ты личность, Андрюша. В колонне, типа, двигаться легче. Только и всего. Уцепился за задние фонари, и катись, будто прицеп. И глаза отдыхают, и дистанция такая, что в случае чего успеешь затормозить. Я, типа, как заклепаюсь – его вперед пропущу.

Как пообещал, так и сделал. В районе часа ночи Атасов сбросил скорость, уступая «Омеге» почетное место мателота.¹⁸ «Омега» сначала тоже притормозила, но затем ее водитель сообразил, что к чему, и обошел «Мерседес» по встречной полосе. Обе машины, набрав прежнюю скорость, вновь устремились вперед.

Атасов прилип к «Омеге» и теперь отдыхал, предоставив водителю головной машины напрягать глаза и бдеть за них обоих.

Вскоре за пеленой дождя возникла развилка, на которой Одесская трасса пересекалась с дорогой М-21 – Кишинев-Кировоград. «Опель» на развилке ушел налево, в сторону Кировограда. Атасов скопировал маневры флагмана с величайшим тщанием.

– Любишь кататься, люби, типа, и саночки возить, – назидательно сказал Атасов. – Неписаное правило дороги. – Он обернулся к Андрею, – тебе, Андрюша, как только вчера покинувшему ползунки пионеру, позволительно этого не знать.

Армеец, хмыкнув, напустил на себя такой вид, будто здорово обиделся. Хотя это было не так.

Трасса Кишинев-Кировоград оказалась вполне сносной однополосной бетонкой, протянутой по местности, на которой довольно-таки крутобокие холмы постоянно чередовались с глубокими низинами. Как будто на заре мироздания земля тут выгнулась исполинскими волнами, да так они и застыли. Езда превратилась в нечто, похожее на американские горки. Вверх – вниз. Вверх – вниз.

– Тренировка, типа, космонавтов.

Отмахав по бетонке добрую полусотню километров, «Омега» безошибочно свернула направо, взяв курс на Вознесенск.

¹⁸ Мателотом моряки называют судно, возглавляющее кильватерную колонну кораблей

– Смотри как ориентируется, подлец, – не скрывал восхищения Атасов. – Видать, типа, часто здесь катается. Я бы этот поворот точно проглядел.

– Эдик? – очнулся от легкой дремы Бандура, – так что там с камином?

– С камином? – переспросил Армеец.

– Ну, ты же начал рассказывать, как у новых русских камин мастерил?

– А-а... – сообразил Армеец. – Т-так вот. Приезжаю на виллу, я тогда на «м-москвиче» мотался, с-смотрю – ничего домик. На п-поллимона х-хрустящих тянет. Хо-хозяева – два брата. Андрюша, ты мой х-холодильник на Троещине видел?

– Трехкамерный?

– Верно. П-приделай к нему ру-руки с ногами, а на верхней дверце рот п-процарапай, х-хочешь отверткой, хочешь – зубилом. И г-глаза, – с помощью а-азбуки магнитной. Вот из ка-каждого холодильника по о-одному брату и получится.

– Я им п-проспекты с цветными фо-фотографиями достал, с-стою, про камин рассказываю. Такие вот камин, и такие. П-полки разные вы-выбирайте, ду-дубовые, бу-буковые, я-ясеновые. Ди-дизайн по желанию за-заказчика. На облицовку и-изразцы, м-мрамор, лепка. Можно фи-фигуры ги-гипсовые по фронту добавить...

– А они?

– С-старший молча за-забрал у меня п-проспекты, мне за-за пазуху всунул.

– «СЛУШАЙ СЮДА, МУЖИК», – го-говорит, – «ТЫ ЭТУ ХЕРНЮ СЕБЕ ОСТАВЬ... ТЕПЕРЬ СМОТРИ КОРОЧЕ СЮДА». – Сам с-становится посреди зала, бе-берет в руки сосновое полено, да как з-звизданет об стену! – «ПОНЯЛ?» – с-спрашивает.

– Ну а ты? – не выдержал Бандура.

– Я с-стою, м-молчу. Ду-думаю: *к-конец мой пришел. По-порешат се-сейчас за что-то...* Тут он, холодильник этот, по-поворачивается ко мне и объясняет: «ЧТОБ ТЫ ПОНЯЛ, ЧЕГО МНЕ НАДО. НАДО, ЧТОБЫ Я ОТАК ВОТ ПАЛЕШКО ВЗЯЛ...» – и новое берет, – «...В КАМИН ТВОЙ ХУЛЕНУЛ, И ЧТОБ НЕ РАЗВАЛИЛОСЬ...»

– «Ч-что?» – с-спрашиваю.

– «КАМИН ТВОЙ», – холодильник отвечает, – «И ЧТОБЫ ГОРЕЛО. ПОНЯЛ?»

Я к-кивнул.

– «И ЭТО, СЛЫШЬ? СКОКО ДЕНЕГ?»

– Я, че-честно говоря, д-дар речи у-утратил. Временно. Тут брат его по-подходит. Второй хо-холодильник, то есть:

– «СЛЫШЬ? И ЭТО... ЕСЛИ ЧЕГО – НЕ УБЕГАЙ. А ТО ДО ТЕБЯ УЖЕ ШТУК ШЕСТЬ РАБОТЯГ ПРИХОДИЛО. МЫ ИМ КОНКРЕТНО ВСЕ ОБЪЯСНЯЕМ, А ОНИ КИВАЮТ, ПОНИМАЕШЬ, И УБЕГАЮТ...»

– А ты? – спросил Бандура, сунув в рот сигарету.

– Я д-думал им сказать, чтобы в зеркало в-внимательно посмотрели. И г-глазки раззули. Но не-не решился, знаешь ли. П-прикинул, что если по-помирать, так с музыкой, и ка-как зарядил т-тройную цену. «В шесть ш-штук, – говорю, – у-удовольствие такое обойдется. Зелени». Честно скажу – надеялся, – о-откажутся. Они пе-переглянулись между собой, с-старший го-говорит: – «НОРМАЛЬНО, СЛЫШИШЬ. ПО РУКАМ. ЛАДЫ, КОРОЧЕ».

Су-сует руку в ка-карман и протягивает мне т-три пачки по ты-тысяче долларов каждая. Задаток. В таких, черно-оранжевых у-упаковках. Я еще подумал: – «И не боится, что с деньгами с-сбегу...»

– Так положили камин, типа? – пробрало Атасова.

– А т-ты как думаешь?..

* * *

Некоторое время летели сквозь глухую ночь молча. Миновали совершенно безжизненный городок. В темных домах – ни единого освещенного окошка. Судя по карте, развернутой Андреем на коленях, проехали Александровку, а то и Вознесенск. Дорога продолжала извиваться синусоидой, с холма на холм. Покрытие отдельных участков было очень даже ничего, но попадались и откровенно отвратительные участки. С полуночи зарядил непрерывный дождь, временами переходивший в настоящий тропический ливень. В низинах скопились лужи, больше напоминающие озера. Что таит в себе свинцовая в отсветах фар поверхность воды, становилось понятным, только когда колеса влетали в выбоины на дне. Подвеска «Мерседеса» страдала безбожно. Пару раз машину тряхнуло с такою силой, что со всех в салоне сон сняло как рукой.

– Так и колесо потерять недолго, – сдавленно пробормотал Атасов.

Бандура невольно поежился. И лишь Гримо продолжал беззаботно храпеть.

В половине третьего ночи в хвост их скромной кавалькаде пристроилась третья машина. К тому времени «Омега» начала потихоньку сдавать позиции. Видимо, ее водитель устал и то и дело ненароком подымал ногу с педали «газа». Незваного пришельца пропустили вперед, и до трех часов утра он уверенно возглавлял колонну. К слову сказать, третьей машиной оказалось заляпанное грязью 520-е «БМВ». Номера выдавали в «Бимере» «уроженца» Николаевской области.

– Домой когти рвет, – добродушно заметил Атасов.

– Хо-хорошо ему, – с завистью добавил Армеец. – Ч-часу не пройдет – упадет в родную подушку носом.

На окружной дороге, огибающей Николаев с северо-востока, «БМВ» покинуло строй, ушло на развилке вправо и вскоре пропало из виду.

– Домой, типа, почесал, – Атасов проводил взглядом растворившиеся во мраке габариты «Бимера», и снова устался на дороге.

– С-справа мелькала ши-широкая водная поверхность. Это что было, Андрюша?

– Южный Буг, – ответил Андрей, предварительно сверившись с картой.

Они пронеслись по мосту над Ингулом. Выхваченный фарами светлячок указателя сообщил им, что до Херсона осталось 66 километров. Около половины четвертого утра вновь оказавшаяся впереди «Омега» резко снизила скорость, и решительно свернула на подвернувшуюся по пути широкую обочину.

– Умаялся, – сонно предположил Атасов. Они пролетели мимо в вихре водных брызг. – Правильно. Когда совсем, типа, не вмоготу, лучше стать, перекимарить пару часиков. Себе дешевле...

Атасов тряхнул головой, пытаясь отогнать сон. Обернулся к Андрею:

– Штурман! Что за населенный пункт на горизонте?

– Посад-Покровское, сэр, – порылся в атласе Бандура.

Атасов скосил глаза на спидометр.

– За шесть с половиной часов хода – пятьсот пятьдесят четыре километра, типа. Не жирно... Эдик, это какая средняя скорость выходит?

– Я что, по-похож на ка-калькулятор? – возмутился Армеец.

– Ты школьный учитель, между прочим.

– И-истории...

– Без разницы, типа.

– Восемьдесят пять целых двадцать три сотых километра в час, – прекратил бессмысленные препирательства Андрей, убирая в карман миниатюрный «Ситизен».

– М-мда, типа... – разочарованно выдавил Атасов. – М-да...

– Саня, да ты что? Отличный результат, – искренне похвалил Андрей. – А если учесть непогоду, и что темно было, как у крота в норе, так вообще – рекорд.

– А если бы А-атасов кофе по-поменьше х-хлестал, из термоса и по-потом т-трижды в кусты не бегал, по малой нужде, так и де-девятисто километров в час бы-было бы...

– Кабы б, – с вызовом начал Атасов, – я кофе не пил, мы б давно в кювете, типа, загорали. И потом, Армеец... Я мочевого пузырь, типа, на службе родине застудил. В Вооруженных Силах Советского Союза. Если ты, школьная твоя душа, меня еще разок моим застуженным пузырем попрекнешь – все – привет. Потопаешь через Сиваш на своих двоих.

Но, сколько бы кофеина не растворила в себе многострадальная кровь Атасова, в последовавшие тридцать минут машину пару раз уводило вправо. Атасов безнадежно провалился в сон. Андрей, напротив, стоял на страже, всякий раз моментально хватаясь за руль.

– В И-израиле, как я слышал, – вставил сквозь зевоту Армеец, – обочины скоростных автотрасс отделены от к-кюветов с-своеобразными поребриками. Во-водителя к-клонит в сон, машина уходит с трассы, выскакивает на поребрик, от которого в-в салоне такой г-грохот, что, говорят, и из комы выйти можно.

– Да какие такие поребрики, типа? – вяло огрызнулся Атасов. – Тут вся дорога – один этот самый гребаный поребрик.

– Саня, – взмолился Андрей, – пусти за руль, а? Пока в самом деле, с дороги не вылетели.

– Ладно, – наконец сдался Атасов.

Проехали совершенно темную Киселевку. Село крепко спало. Атасов включил нейтралку и осторожно притормозил, оставив все четыре колеса «Мерседеса» на заасфальтированной проезжей части. И правильно сделал, потому что обочина раскисла и выглядела не менее зловещей, чем знаменитая Гримпенская трясина.¹⁹

– Аварийку включи, – посоветовал Андрей. – А то еще какой-нибудь сонный дурак влетит в задницу.

– Да нет же никого, – отмахнулся Атасов. – В такую паршивую погоду, Бандура, даже хозяин-садист, типа, собаку из дома не выгонит.

Армеец потянулся к торпеде, толкнул пальцем кнопку подачи аварийных сигналов. Атасов хмуро покосился на Эдика.

– Воспользуюсь, типа, законным питстопом и пописаю, – доверительно сообщил он приятелям. – Чтобы ни у кого, типа, претензий не было, в дальнейшем.

– Да че-чего ты завелся?

– Ничего, типа, – по-стариковски заворчал Атасов, поворачиваясь спиной к машине и расстегивая ширинку, – ничего, Эдик, а вперед перелазь. Мы с Грименцием на массу давить будем.

Произошла рокировка, в результате которой Армеец с Бандурой оказались впереди. Гримо, потоптавшись по кругу, как и положено собакам перед сном, улегся, свернувшись калачиком. Атасов устроился рядом, беспардонно использовав несчастного бультерьера в качестве подушки с подогревом. Гримо попробовал поворчать сквозь сон.

– Я тебе, типа, рыкну, – предупредил собаку Атасов. Вскоре сзади воцарилась тишина.

– Ну, с Богом, – пробормотал Андрей, трогая с места. Небо на востоке принялось несмело светлеть.

– Куда, хотел бы я знать, П-протасов за-запропастился, – тревожно спросил Армеец. – Мы его ночью не-не проскочили, часом?

¹⁹ Гримпенская трясина получила широкую известность благодаря «Собаке Баскервилей» А.Конан Дойла. Кто ее знает, какая она на самом деле?

– Его проскочишь... – протянул Бандура, смутился под укоризненным взглядом Армейца и добавил:

– Вроде как не было его...

– В Одессу ненароком уехал, – зевнув, пробормотал Атасов. – Либо в Румынию. Указатели перепутал, типа... И привет.

– Если, как мы, летел, – рассудил Андрей, – то черта мы его догоним, пока где-то не станет. В дороге и за грузовиком не угонишься, особенно, когда фора большая. Два часа разницы, да плюс – за его джипом... У «Нисана» под капотом сколько коней?..

– Ну ты и скотина, типа! – громко возмутился совсем было уснувший Атасов. – Вот мерзавец, а?

– Кто? – испугался Армеец.

– Гримо негодай!..

– Ч-что он сделал-то?..

– Сейчас, типа, унюхаешь...

Разулыбавшись, Андрей опустил окно. В салон ворвался свежий ветер с полей, наполненный влагой, ароматом полевых растений и запахом росы. Сон сразу отступил. Испарился, хоть и временно.

– Не знает, паразит, что отравляющие вещества, типа, запрещены международной Женевской конвенцией, – бурчал Атасов, снова пытаясь прилечь, – еще в начале столетия.

– П-плевал он на ко-конвенции, – согласился Эдик, в свою очередь хватаясь за ручку стеклоподъемника.

Вскоре дорога перешла в четырехполосную, что безошибочно указывало на приближение большого города. Херсона, надо полагать. Ближе к четырем справа от трассы потянулся бесконечный стальной забор. Вдалеке, за забором, в розово-серых предрассветных лучах виднелись силуэты каких-то вертолетов.

– Военно-транспортные Ми-6, – сразу определил Бандура. В школе Андрей бредил небом, одно время даже думал поступать в Харьковское летное училище, пока неожиданный развал Советского Союза не начертил поверх романтических планов большой жирный крест.

– Вот силища-то, – качал головой Андрей, – пассажироместимость – что у аэробуса. Ну, или почти как...

– С-сколько денег народных даром пропадает, – по-своему откликнулся Армеец. – Тут левый поворот, смотри, не пропусти. А то в Херсон уедем...

– А ты в Херсоне был?

– Бы-бывал...

– Хороший город?

– К-красивый. Я там счастлив был, Андрюша. Мы с женой пу-путевки на море брали. П-профсоюзные. В лагерь «Маяк», от Киевского политехнического и-института. В поселке Лазурное Херсонской области. Я в и-институтской научно-технической библиотеке работал.

– Далеко Лазурное от Херсона?

– До-добрая сотня ки-километров. Туда из Херсона а-автобус ходил. И еще на «ку-курузнике»²⁰ можно было до-долететь.

– Ух ты! – при упоминании «кукурузника» из головы Андрея вылетела даже новоиспеченная жена Армейца, о которой он первый раз в жизни услышал. – Ты летал на таком серьезном корыте?!

²⁰ Речь о самолете Ан-2, созданном ОКБ О. К. Антонова. В НАТО получил название Colt. В народе прозвище кукурузник, унаследованное от У-2. Самый большой в мире одномоторный биплан за всю историю авиации, а также единственный в мире самолёт, производство которого продолжалось более 45 лет.

– О-один раз. Ощущения – не для слабонервных, Андрюша. Си-сидения там друг напротив друга с-стояли. Как в армейском «Зиле» повышенной п-проходимости. Во время полета в воздушных ямах так ш-выряло, что ду-душа уходила в пятки. Ма-малая авиация... – Армеец развел руками, мол, что тут попишешь. – Хотя, по большому счету, машина была исключительно надежной. Даже если мо-мотор заглохнет, все равно с-спланирует. И садится на пяточке. Би-биплан, что ни говори...

– Значит, вы на нем на море летали? – Бандура обратился в слух, вспомнив о мистической жене Армейца и решив вытянуть из Эдика все, что только можно.

– В Лазурном а-аэродром был. П-поле травяное, попросту го-говоря. – Армеец кинул долгий задумчивый взгляд в сторону Херсона. – Мы в Ла-лазурном т-трижды отдыхали. Один раз на Ан-2 из Херсона добрались. У-удобно, слов нет. Из к-киевского самолета вышел, и, сразу в «кукурузник». Раз – рейсовым автобусом. О-однажды – на теплоходе.

– Что, прямо в Лазурное?

Армеец отрицательно покачал головой:

– Вниз п-по Днепру – до Голой Пристани. Она в дельте Дне-днепра расположена. Камыши там сплошные. Ре-река на множество ру-рукавов делится. К-красиво очень.

– Никогда не был, – сказал Андрей.

– Лукоморье, – добавил Армеец. – То самое, о котором поэт писал.

У Лу-лукоморья дуб зеленый
З-златая цепь на дубе том,
И д-днем, и ночью к-кот ученый
Все ходит по цепи кру-кругом...

– Ух ты, – зачаровано проговорил Андрей, – Пушкин, что ли?

– Рабиндранат Тагор...²¹

– Да ладно, – заулыбался Андрей. – Ладно...

– Т-точно тебе говорю, Тагор.

– Да ладно... – засомневался Андрей.

– Еще на ча-частном такси можно было добраться. Т-только они, па-паразиты, сотню долларов ломили. Нам не по к-карману было...

– Атасов говорил, что ты в школе учителем работал? – сменил тему Андрей. – Это правда?

Армеец кивнул:

– И-истории.

– А ушел чего?

– П-по здоровью... – тихо ответил Эдик и сразу как-то осунулся.

– Ну и как там, в «Маяке» отдыхалось?

– З-здорово, – воспрянул духом Армеец. И просветлел сразу. Откинулся на подголовник, прикрыл глаза. Заулыбался даже, только как-то неуверенно, будто опасался вспугнуть свою же улыбку. – До-домики фанерные, ма-матрацы ватные. К-кровати с железной сеткой. Если любить на т-такой женщину – по-половина лагеря проснется...

Бандура захихикал. Армеец покраснел.

– Вода из колонки. Ту-туалет во дворе. Такой невыносимо вонючий, – никакая х-хлорка не могла запах перебить. Как за-зайдешь по надобности, так потом минут т-тридцать ходишь проветриваешься.

²¹ Рабиндранат Тагор (1861–1941), индийский писатель, поэт, композитор, художник и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1913). Автор гимнов Индии и Бангладеш

Армеец задумался. Видно было, что вспоминает.

– Ну, – продолжал он, – мы, в конце концов, не в туалете сидеть приезжали. Мо-море – чудесное. Теплое. М-мелко долго-долго. Пе-песочек. Детишкам красота... Т-трехразовое питание. Котлеты, каша. Совдеп, конечно, без изысков. А мне нравилось. Масло на ужин давали – кубиками. З-завтраки я п-просывал, Маринка одна ходила... Ну, знаешь, отпуск, хочется поваляться по-подольше... Так она нам завтрак в к-кастрюльках приносила. Ругалась, конечно, страшно. – Армеец широко улыбнулся. – На весь лагерь, ме-между прочим. «Что я вам, обормотам, нанялась?!» В шутку, конечно. Возле домика на углу ре-ретранслятор висел, на столбе. По у-утрам «на за-зарядку по порядку» крутили. Маринка и его перекрикивала... Вечерами – в кинотеатр под открытым небом х-ходили. С пледами, чтобы за-заднице у-удобнее было. И знаешь что? Лю-любая дурня на ура шла. Отчего – понять не могу.

Бандура внимательно слушал. Армеец продолжал рассказ.

– Марина с т-теткой из села до-договорилась – молоко вечернее брать. Нам от пансионата до се-села – около километра было шлепать. В-вечером ходили, когда жара с-спадала. Идем, бывало, че-через поле, к-коровьими лепешками пахнет. Колючками разными, ковылем. Небо з-звездами усыпано. Как г-глянешь, так и жалеешь, что в з-звездочеты не подался. Море за спиной шумит. Лето. Т-тепло. Та-такое счастье распирает – ни за какие д-деньги не купишь. По-понимаешь?

– Да, – тихо сказал Андрей.

– Дениска на копках-баранках у-у меня катался... На плечах, то есть. Любимое местечко у него было... Как с молоком в домик возвращались, о-обязательно засыпал... Одно плохо – но-ноги у него затекали...

Армеец замолчал. Андрей переваривал то, что услышал. Эдик сидел, закрыв глаза, и больше не улыбался.

– Эдик...

Тишина.

– Эдик!

– Что, Андрюша?..

– Марина и Дениска? Что с ними случилось?

Армеец ничего не ответил. Даже дыхания его слышно не стало.

* * *

Андрей повернул на Херсонскую окружную. Они не успели проехать и сотни метров, как почти одновременно заметили «Ниссан-патрол» Протасова. Джип мирно стоял на обочине, в самом эпицентре импровизированного придорожного базара.

– П-протасов! – воскликнул Армеец. Включил правый поворотник и, пршуршав шинами по гравию, остановил «Мерседес» под самым носом «Ниссана».

– Пошли, – обронил Армеец и полез из машины. Бандура последовал его примеру. Атасов дрых как убитый, обняв Гримо и возрузив голову на бок верного бультерьера. Глаза Гримо были широко распахнуты, но сами глазные яблоки закатились под покатым лоб. Картина вышла устрашающая. Пес сопел во сне, все четыре лапы нервно подрагивали, словно Гримо за кем-то гнался, либо пытался убежать.

– Ну вы, блин, даете, пацаны!.. – радостно заявил Протасов. – Я в этой дыре уже два часа прохлаждаюсь. Божие коровки, блин, быстрее ползают!

– Ты чем тут занимаешься?

– Вас, блин, жду, лохов ушастых. Ох и тупой же ты парень, Андрюха!.. Тупой – жуть...

– Жри, жри, Протасов. Гляди не подавись, – в тон Валерию откликнулся Андрей.

При виде нескольких дюжин пирожков, выложенных на торпедо джипа неким подобием китайской стены, рот Андрея наполнился слюной. Будто трюм гибнущего в океане корабля соленой заборной водой.

– Я подкрепляюсь. Законом пока не запрещено. – Протасов взял ближайший пирожок и целиком засунул в рот.

– Кто пилотировал этот самогонный аппарат на колесах? – донеслось из забитого рта Валерия, – ты, что ли?

– Саня, – Эдик махнул в сторону «мерседеса».

– Тот еще Алан Прост.²²

Армеец и Бандура неловко топтались перед дверцей джипа.

– Ладно, – Протасов покончил с пирожком и алчно посмотрел на торпеду, выбирая очередную жертву. – Ладно, блин. Что вы мнетесь, как гавки бездомные. Налетайте, е-мое!.. Протасову для своих пацанов реально ни хрена не жалко!..

Эдик и Андрей не заставили Валеру повторять дважды и жадно накинулись на пирожки.

– Тут с сыром, яблоками, мясом и горохом. С мясом, в натуре, дерьмо. А яблочные и с сыром – чистый отпад. Тащилово, блин, конкретное. Рулиз, чтоб до вас дошло. Сейшен.

Эдик и Андрей заработали челюстями с энергией пираний, напавших в Амазонке на тапира.

– Топчите, блин. Если не хватит, еще купим, – успокоил друзей Валера, потирая ладонь о ладонь.

Вонзая зубы в первый попавшийся под руку пирожок, Андрей почему-то подумал, что не хватит – сто процентов. Несмотря на ранний час, придорожный базар шумел вовсю. Туда и сюда сновали побитые жизнью «Москвичи» с «Жигулями», тягая за собой тяжело груженные прицепы. Длинная шеренга торговых предлагала вниманию шоферов и пассажиров транзитных автомобилей пирожки, блины, беляши, фрукты и овощи, домашнюю колбасу колечками, длинные палки сырокопченой, два десятка наименований газированных вод и много чего еще из того, чем безуспешно пыталась наполнить отечественные прилавки советская власть и что появилось только тогда, когда сама эта власть канула в небытие. Невдалеке курилась жаровня, на которой шипели золотистые, словно диковинные аквариумные рыбы, чебуреки.

– Возьмем похавать? – сверкая глазами, предложил Протасов. – Я бы штук пять легко затоптал.

– Жи-живот от масла разболится, – назидательно произнес Армеец.

– У кого разболится, блин, тот порожняком идет. – Протасов вылез из джипа и направился к жаровне. – Бандурий?! – крикнул он на ходу, – тебе взять?

– Да, – чисто из жадности согласился Андрей, забитый пирожками по самые гланды.

– Там дальше – ш-шампуни, лезвия для бриться, одежда, маски для ныряния, трубки. Ма-матрацы надувные, зонтики от солнца, и-игрушки. Все китайское, зато недорого. Если деньги есть – на море с пустыми руками выбираться м-можно.

– Классный базар, – согласился с приятелем Андрей.

– Мне борща предложили, – Протасов вернулся к машине, таща в руках огромный пакет чебуреков. – Реально. С пылу с жару. Только пол-часа подождать надо. Подождем, а?

– В-времени в обрез, – огорчил гиганта Армеец. – Ехать нужно!

– Там дальше еще и шашлыки жарят. Я бы заказал, а?

– Времени нет, Валера!

²² Алан Прост, р. 1955, знаменитый французский пилот Формулы 1, 4-х кратный чемпион мира

– Да нас, Эдик, вполне реально в Крыму и замочить могут... Местные пацаны. Давай, блин, хотя бы на последок похаваем...

– Ти-ти-типун тебе на язык! Балабол чертов. Говорят тебе – времени нет. Пока мы тут желудки набиваем, Б-бонифацкий в Симферополе с поезда с-соскочит – и ищи его, свищи, в Ялте. – Эдик развернулся и неторопливо зашагал к «Мерседесу».

– В Ялту по беспределу ломиться – не фонтан, – согласился Протасов, становясь очень грустным. – Вот блин...

– Валерка... – Андрей сделал глоток горячего черного кофе из бумажного стаканчика и закатил глаза от удовольствия. Утро выдалось промозглым. Дождь прекратился, но едва проглянувшее на востоке солнце сразу затянули тяжелые свинцовые тучи, так что все шло к тому, что скоро снова начнется.

– Чего тебе? – Протасов запустил зубы в чебурек, масло брызнуло в разные стороны, большая часть полилась на темно-синие спортивные брюки Валерия.

– Вот блин! – заорал Протасов так, что пару ближайших теток шарахнулись в разные стороны. – Е-мое!.. Новые штаны от спортивного костюма загубил!

– С-солью присыпать надо, – посоветовал вернувшийся к джипу Армеец.

– Чего ты, блин, ржешь, братское чувырло?! – напустился Протасов на Андрея. – У меня уже этих курток от костюмов – три десятка накопилось! Хоть жопой жуй!.. А штаны – последние были!..

– Валера, ты в дороге ничего подозрительного на видел? – стоял на своем Андрей.

– Ничего!.. – рявкнул Протасов. Кроме двух клоунов в желтом «Мерседесе» а третьего, блин, с кобелем на голове!

– Без шуток, Валера.

Протасов испытующе поглядел на Андрея:

– Часов в одиннадцать вечера, Бандура, вчера, блин, притормозил я у придорожного чипка...

– Ну? – напрягся Андрей.

– Две шалавы там сидели. Ничего себе, при беглом осмотре. Думал закадрить, в натуре, пока они ртов не пооткрывали. Мало того, блин, что вместо половины зубов – фиксы золотые установлены. Так еще, понимаешь, такие грязноротые – уши вянут. Мат-перемат, Бандура. Один чисто мат. И связки: на, в, туда, через... Ты понял, да?!.

– П-предлоги, – уточнил Армеец.

– Сам ты предлог, в натуре. Ругню между собою подняли – ужас, блин. Не дай Бог. Я, твою мать, не все понял. Таких, блин, словечек, как они загибали, даже наш ротный старшина не знал. В армии, блин.

– Командир, – уточнил Армеец.

– Ну, я решил, пошли они обе гнить, давалки хреновы.

– Ты по-поступил очень даже правильно, – одобрил гиганта Армеец. – А т-теперь дожевывай, з-здоровяк, и поехали.

– Я бы, в натуре, штаны пошел пошукать, – заискивающе проговорил Протасов. – А вы бы пока борща заказали, с котлетами...

– Ты и так х-хорош. Не под венец, верно? Поехали, Валера.

– И собачника будить не станете? Изголодался, небось, горемыка! Помрет ведь. И так, блин, на ладан дышит, со своим кофе и сигаретами... А я бы пока...

– Ты же знаешь, Валерка, Атасов от батареек работает.

– Тогда хоть песика пожалейте...

– В-волки по две недели без е-е-еды обходятся. И недохнут.

– Так то ж волки, Эдик!..

– Поехали, го-говорю. Время не ждет.

Протасов смирился и полез за руль.

Не прошло и пяти минут, как обе машины покинули гостеприимный базарчик. На трассе Протасов надавил, с ревом обошел «Мерседес» и занял место ведущего.

– Е-если б он этого ма-маневра не сделал, я бы о его здоровье б-беспокоиться начал...

Андрей кивнул – тут и спорить было нечего.

В районе Каховки пересекли Днепр.

– Каховское водо-х-хранилище, – сказал Армеец, сверившись с картой. Днепр был намного шире того, что плещется под Киевскими кручами. Вода издали казалась коричневой. Злые волны, ненамного уступающие морским, сердито шипели. Ветер срывал с их гребешков белую пену и мелкой взвесью нес в сторону дороги. Картина была, если и апокалиптической, то неприветливой – это точно. По крайней мере, желания останавливать машину и лезть купаться не возникло ни у Армейца, ни у Бандуры.

Раскинувшаяся впереди равнина была ровной, как стол.

– К Пе-перекопу приближаемся. С-скоро Сиваш у-увидим...

Андрей хотел было рассказать Эдику историю, неожиданно выплывшую из подсознания. Про первую свою поездку на море – ему тогда исполнилось десять. Они ехали в красно-белом рейсовом «Икарусе», он, мать и отец. Отец, сидевший впереди, внезапно обернулся и сказал тоном заговорщика:

– Слушайте, братцы... Хотите игру?.. Кто первым море заметит, тому покупаем – чего душа пожелает. Идет?

После таких слов отца в воображении Андрея немедленно возник чудесный, восьмиосный грузовик, увиденный им пару недель назад в игрушечном отделе убогого магазинчика родных Дубечков. Грузовик был величиной с коробку из-под туфель. С вращающейся платформой и тремя ракетами, установленными на площадке. С тарелкой локатора на крыше. И главное – на разрисованной всевозможными циферблатами приборной доске ракетноносца внутри кабины имелось окошечко, вызвавшее особое восхищение Андрея. С помощью рычажка, спрятанного в носу ракетноносца, изображения в этом окошке менялись одно на другое. Последовательно нажимая рычажок, можно было вызвать силуэты вражеского самолета, танка и тяжелого военного корабля.

– Выбор цели! – тараща от восторга глаза, толклись у прилавка дубечанские мальчишки. Каждый из них, вне всякого сомнения, за обладание такой замечательной игрушечной отдал бы правую руку.

Вожделенная игрушка две недели не давала Андрею заснуть, а в первые дни он вообще ходил как чумной.

– И ракетноносец купишь? – спросил Андрей отца, ушам своим не веря.

– Море первым увидишь – считай, что он у тебя в кармане, – отец выглядел счастливым.

– За десять рублей?!.

– Хотя бы и за двадцать пять.

Дальше случилось то, что, очевидно, и должно было произойти. Андрей первым увидел море, разразившись такими победными воплями, что водитель автобуса едва не свернул в кювет. То ли мать и отец подарили Андрюше пальму первенства, то ли он честно ее заслужил, прыгая по салону «икаруса» от окна к окну, как посаженный в клетку бабуин, так и осталось в загадках. Все ракетноносцы, к огромному огорчению Андрея, к их возвращению с моря оказались раскупленными. Впрочем, отец сдержал слово, и Андрей не остался в накладе, получив совершенно потрясающий автомобильный паром, желто-зеленый, размерами с материнскую стиральную доску. С четырьмя легковушками на борту.

Едва Армеец упомянул Сиваш, который вот-вот должен был появиться на горизонте, история эта, позабытая накрепко, высветилась в мозгу Андрея почти в первозданной яркости. Словно слайд из старой коробки, спроецированный через диапроектор на экран. Так

поразительно четко, что Андрей на мгновение увидел и отца, и мать, которой уже третий год, как не было на свете, и ракетносец, с окошком для выбора цели.

Андрей уже открыл рот, собираясь поделиться с Эдиком замечательным детским воспоминанием, но тут сердце, без каких-то видимых причин, сжалось от плохого предчувствия. Андрей повернулся к Армейцу. Эдик сидел справа, напряженно вглядываясь вперед. Видимо, тоже что-то почувствовал.

– П-предчувствие, Андрюша, – тихо сказал Армеец, полностью подтверждая последние мысли Андрея, – к-кто воевал, з-знает, что это такое...

Молча проехали еще километров двадцать. Атасов и Гримо мирно спали. Протасовский «Ниссан» маячил впереди. Дистанция была – до сотни метров.

– П-половина шестого утра, – мрачно сообщил Армеец.

– Пять тридцать две, – эхом отозвался Бандура.

– С-скоро КП...

Он действительно показался в ближайшие пятнадцать минут – массивная бетонная будка, тяжелые шлагбаумы в обоих направлениях, площадка с милицейским вертолетом, толи Ми-2, то ли Ка-26. Невдалеке тускло поблескивало четырехколесное бронированное чудовище, вооруженное парой пулеметов: крупнокалиберным конструкции Владимирова и спаренным с ним обыкновенным башенным ПКТ.

– Нахрена они сюда БРДМ²³ приволокли?! – возмутился Бандура. – Как будто это не вшивый КП между двумя областями миролюбивой вроде бы Украины, а какой-то блок пост в горячей точке, где льется кровь и каждую ночь гремят выстрелы.

– Не го-говори, – согласился Армеец. – Не въезд на курорт, а натуральная п-прифронтовая полоса. Идиотизм, честное слово.

На корме протасовского «Ниссана» ярко вспыхнули огни стоп-сигналов – здоровяк сбрасывал скорость.

– В-восемьдесят, сорок, ползком, – прокомментировал замелькавшие по обочине дорожные знаки Армеец.

Пятерка милиционеров бродила по площадке у будки. Все были экипированы бронежилетами, касками и укороченными автоматами Калашникова через плечо. Некоторые кидали на приближающиеся с запада машины весьма недружелюбные взгляды.

– Ох и не люблю же я их, – честно признался Андрей.

– Ты мне п-покажи, кто их вообще лю-любит, – откликнулся Армеец.

– На войну, блин, собрались...

– То-точно.

– Что-то мне от их вида – и в море купаться расхотелось.

Едва джип Протасова достиг бетонной будки, высокий милицейский старшина злобно махнул палкой, указывая Валерке, что он, мол, уже приехал.

Протасов беспрекословно подчинился.

– Один попал, – мрачно бросил Бандура, останавливая «Мерседес» борт в борт с «Патролом».

– Ва-ва-валерка, – начал Армеец, – мы т-тебя подождем?

– Ехай, блин, – отмахнулся из окна Валерий. – Сейчас я с ними порешаю. – С этими словами Протасов нагнулся к бардачку и вынул толстенный кожаный лапатник.

Бандура и Армеец, никем не остановленные, медленно покатались мимо. Милиционеры проводили их каменными взглядами, которыми бы дороги мостить.

²³ Бронированная разведывательно-дозорная машина, производилась серийно с 1965 по 1989 Арзамасским машиностроительным заводом, обладает очень высокой проходимостью. В настоящее время используется в разведывательных подразделениях более чем полусотни стран

Отдалившись от КП на пару сотен метров, Андрей остановил «Мерседес».

– Что будем делать, старик?

Армеец почесал затылок.

– Атасова будить? – не унимался Андрей.

– Да-давай подождем минут десять...

Десять минут отщелкало, – Протасов не появлялся. Пятнадцать прошло, двадцать пять.

С тем же результатом.

– Вернемся? – неуверенно предложил Андрей.

– Думаешь КП ш-штурмом взять?

– Ничего я не думаю!

– Сам ра-разберется... – кисло протянул Армеец, краснея от того, что последнее предположение выглядело здорово притянутым за уши. – По-посмотри по карте, сколько до Симферополя осталось?

– Сто семьдесят шесть километров. – Андрей спрятал атлас в кармашек карты двери. – Плюс минус туда сюда...

– Если Б-бонифацкий на утренний поезд успел, то как раз в о-обед прибудет на вокзал... – Армеец пожевал губу.

– Так что делать?

– До-догонит в дороге, – принял решение Армеец. – Не ребенок, в конце-то концов. Давай, Андрюша, в-перед по-потихоньку.

Поскольку Эдик принял всю ответственность на себя, Андрей безропотно (с некоторым даже облегчением) направил «Мерседес» вперед.

«Эдик – старший», – сказал себе Андрей, наблюдая, как придорожная трава в боковом окне бежит все быстрее и быстрее.

Четверти часа не прошло, как они въехали в Армянск. Припарковались возле девятиэтажки, первый этаж которой делили между собой почтовое отделение и междугородние телефонные автоматы.

Андрей побежал звонить в Киев.

– У девочек все спокойно, – сообщил он Армейцу по возвращении. – Я с Ледовой разговаривал. Хвалит нас. Молодцы, говорит. Быстро добрались.

– Ей спасибо, – невесело кивнул Армеец. – От В-валерки не забыл ей з-земной поклон передать?..

– Не появился?... – спросил Андрей, хотя ответ был очевидным.

– Если сам не разобрался, мы ему ни-ничем уже не поможем, – медленно выговорил Эдик. – В-время, Андрюша?

– Семь утра.

Рабочий люд потихоньку наполнял улицы Армянска. На ближайшей к почте остановке накопилось человек пятнадцать. Ждали автобус, который, естественно, запаздывал.

– Куда они едут? – вздохнул Андрей. – Чем живут? Где работают? Вот так один раз в жизни пересеклись, и все...

– А ч-что в этом такого? Тех, кто в Но-новой Зеландии обитает, ты вообще в жизни не у-увидишь...

– Действительно, – с некоторым удивлением согласился Андрей. – Но я вот, где мимо проезжаю, иногда думаю: это чей-то дом. Чья-то школа рядом. Детсад. Хм. Все родное кому-то, с чем-то связано. А я пролетел по трассе, и тью-тью...

– Д-давай на Джанкой, фи-философ, – оборвал Андрея Армеец. Лю-любишь у-умственные изыскания – чего в бандиты записывался?

– Да я не записывался... Само вышло...

– Трогай. – распорядился Армеец. За прошедший час он окончательно помрачнел и теперь нахохлился, будто угодивший под ливень воробей.

Без приключений миновали Красноперекоск.

– Лиманом пахнет, – нарушил тишину Бандура.

– Сиваш позади с-слева остался, – механически произнес Армеец. – На северо-востоке. С Литовским п-полуостровом, через который красные в Крым во-ворвались.

– Лучше б белые их всех в том лимане гнилом перешпокали, – мечтательно произнес Бандура, внимательно поглядывая за дорогой.

– Кто его знает?.. – покачал головой Армеец. – Дай-ка сигарету...

– Ты же не куришь?.. – удивился Андрей. Вынул из нагрудного кармана полную пачку и протянул Эдику.

– Василий Аксенов н-написал свой «Остров Крым»²⁴ именно на эту тему. Фа-фантазию о том, что Михаилу Ф-фрунзе не удалось выбить б-барона Врангеля с полуострова, который у Аксенова – н-натуральный остров. Занимательное чтиво... Развал Союза он тоже п-предугадал.

– Как это, остров?

– Я же сказал – ф-фантазия...

– А...

– Поскольку б-белогвардейцы на острове закрепились всерьез, – с вдохновением продолжал Армеец, – крымчан у Василия Аксенова как-бы не к-коснулись те п-преступления, что коммунисты т-творили на нашей земле се-семьдесят лет. Мимо Крыма п-прошли и голод с ми-миллионами жертв, который большевики в 33-м на Украине и Дону организовали. В лагеря с-смерти их не посылали т-тысячами, целые народы в Сибирь не гнали. Вот у Аксенова из Крыма и в-вышло нечто среднее между Гон-Конгом и Монако. Природа подходящая. С небоскребами в семьдесят этажей, с-судами присяжных, журналистами, которых нечистые на руку чи-чиновники боятся, как огня, а не наоборот, ма-маленькой, но боеспособной армией, и так далее. С «Руссо-Балтами»²⁵ круче ны-нынешних «БМВ» и «Ролс-Ройсов».

– И твоего «Линкольна»?

– Точно, – колебавшись, сказал Армеец, – и «Линкольна» тоже.

– А у нас в Дубечках, – Бандура прочистил нос, – старики до сих пор в Ленина верят. Не дай Бог про старика Ильича кривое слово сказать... Удавят.

– Ты из Винницкой области, А-андрюша?

– С юга самого. От дедовского дома до Днестра – десять минут, если на велосипеде. Мы с пацанами все лето купаться ездили. А по Днестру – как раз граница с Молдавией проходит.

– В ва-ваших краях НКВД перед войной такие з-зачистки проводил, – н-никакому Пол-Поту не мерещилось. И после победы п-продолжали. Вот п-память и вы-выскребли начисто...

– Ты это у нас в селе скажи...

– Да понятно, что не с-стоит. Ви-видишь ли, Андрюша, во время Г-гражданской войны именно тут, в Крыму, последнюю точку на белогвардейцах поставили. А с ними на всей и-интеллигенции. На п-преподавателях, музыкантах, промышленниках, пре-предпринимателях. Список длинный. Я читал, что п-пламенная революционерка по фамилии Землячка²⁶ –

²⁴ Аксенов Василий Павлович, (р.1932), советский писатель. Родился в семье партийных работников, репрессированных в 1937. После окончания Оттепели романы Аксенова «Ожог» (1975) и «Остров Крым» (1979) были запрещены цензурой. В 1980 выехал в США

²⁵ Автомобили «Руссо-Балт» выпускались Русско-Балтийским вагонным заводом в Риге, Санкт-Петербурге, Твери, Москве и Таганроге. Зарекомендовали себя как очень надежные машины

²⁶ Землячка (Залкинд) Розалия Самойловна, (1876, Киев – 1947, Москва), видный деятель компартии и Советского государства, член партии с 1896. С конца 1920 секретарь Крымского обкома РКП(б). Участвовала в массовых расстрелах

или это по-погоняло у нее п-партийное такое было – где-то здесь п-пленных в море топила. С-сотнями. А в Киеве ее именем улица названа.

– И что с того?

– Н-ничего. Но ты в Б-берлине или Дрездене, п-проспект Адольфа Гитлера видел? Улицу Гейдриха? Переулок Менгеле. Это от того, что у них Нюрнбергский т-трибунал был, а у нас, Андрюша, не было, и не п-предвидится. В будущем... Народ миллионами г-губили, а коммунисты и с-сейчас к власти рвутся. И не с-стыдно им ни капли. Чи-чихать им на те м-миллионы.

– Так то ж другие коммунисты...

– Д-других коммунистов не бывает, Андрюша. Не говоря уж о том, что у нас из тех, кто при советской власти, как сыр в масле катался, м-мало кто вниз загремел. Все на б-боевых постах. Или н-неподалеку. В х-хлебных местах, о-образно говоря. Пе-перетасовались, будто карты в колоде, чешую скинули, вывески одни на д-другие поменяли – и п-привет. Вперед и с песней. Дай-ка мне еще си-сигарету, Андрюша.

Армеец закурил.

– А ты ждешь, когда хо-хорошо будет?.. Наивный ты парень. Да с каких таких пирогов?

Местность впереди оставалась ровной и здорово походила на низменность. Ею очевидно и была. Так по крайней мере утверждал Армеец, ежеминутно сверявшийся с картой.

Снова принялся накрапывать мелкий и противный дождик. Впрочем, судя по лужам, которые то и дело доводилось преодолевать «Мерседесу», недавно тут бушевал самый настоящий ливень.

Армеец с Бандурой напряглись, потому что впереди возник очередной блок-пост. Со шлагбаумом, будками и еще какими-то невзрачными постройками, прилепившимися справа от дороги. К счастью, этот блок-пост – словно вымер.

– Дождь их, гадов, разогнал, – предположил Андрей.

– Я ка-кажется знаю, что это за объект. Это, с-старик, очередной сюрприз для о-отдыхающих. П-проверка автомобилей на «СО». Мой сосед по Градинской п-прошлым летом тут здорово пострадал...

– Как пострадал?

– Элементарно п-пострадал. С-собирался в Крым с женой и детишками. Здесь ему шесть процентов «СО» намеряли и преспокойно забрали машину на ш-штрафплощадку.

– У него талона не было?

– Был. К-киевский. Местным до лампочки. К тому же, Андрюша, тебе на трассе в тысячу к-километров длиной такого дерьма в бак поналивают – ни один к-карбюратор не выдержит. Или инжектор. Бе-бесперебойная к-кормушка для местной милиции.

– Хорошо видать, мужик отпуск провел, – посочувствовал Андрей.

– В-врагу не пожелаешь. Ж-жену с детьми в Киев поездом отправил. А «Т-таврию» свою н-несчастную – месяц со штраф-площадки выбивал. В таком виде машину п-получил – мог и не забирать...

* * *

Проехали еще километров десять. Дорога стала совсем узкой. Справа виднелась насыпь идущего параллельно автострате железнодорожного полотна, слева протянулся широкий оросительный канал.

– Чтоб ки-кислород перекрыть, лучшего места не сыщешь, – уныло изрек Армеец.

Андрей с тревогой посмотрел на приятеля.

Въехали в Воинку. С обеих сторон потянулись частные одноэтажные домики, перемежаемые серыми заборами каких-то промышленных баз.

– Направо, – скомандовал Армеец, не выпуская атласа из рук.

«Мерседес» преодолел несколько сотен метров вдрызг разбитой дороги и встал перед шлагбаумом железнодорожного переезда.

– Д-долго п-поезда ж-ждать, хо-хозяйка?! – крикнул Армеец толстухе, торчавшей в окне железнодорожной будки. Железнодорожница с подозрением покосилась на «Мерседес», почесала нос и лишь потом важно ответила:

– Ми-минут двадцать по-подождете...

Эдик напрягся. Бандура подавил смешок. Атасов с заднего сидения что-то невнятно пробормотал.

– Вот спит, – поразился Андрей, – из пушки не разбудишь...

– С ним всегда так, – рассеянно ответил Армеец. – Если спит – то спит. Без ду-дураков. К-конкретно.

Оба умолкли, подумав о Протасове. Эдик поглядывал по сторонам, но ничего внушающего опасения вокруг пока не наблюдалось. Позади них, громко стравив воздух из системы, остановился тяжело груженный «Камаз» самосвал. Через пару минут к самосвалу подтянулся трактор, волочивший прицеп с высоченной копной сена.

Дождь зарядил чаще, Андрей приподнял стекло – чтобы в салон не залетала вода. Откуда-то справа донесся далекий свисток тепловоза. Дорога по ту сторону переезда какое-то время оставалась свободной. Но не слишком долго. Вскоре, подпрыгивая на ухабах, туда подкатил армейский «УАЗ», выкрашенный в защитный цвет. Двигатель «УАЗа» работал из рук вон плохо. Троил и задыхался, обещая вот-вот заглохнуть. Даже через три колеи до ушей пассажиров «Мерседеса» доносилось хлюпанье и кваканье, вырывавшиеся из-под капота «Уазика». Водителю армейской машины – маленькому, тщедушному солдатику (на вид – лет пятнадцати от силы) приходилось то и дело подгазовывать, чтобы мотор окончательно не заглох.

Расположившийся рядом с солдатиком похожий на бегемота прапорщик сохранял олимпийское спокойствие.

Когда вдалеке, в той точке, где стальные рельсы сходились с небом, появился маленький, пока похожий на связку спичечных коробков поезд, к шлагбауму на противоположной стороне переезда подкатила следующая машина. Это было темно-зеленое, низкое и длинное «БМВ». Иномарка резко затормозила, едва не упершись носом в массивный задний буфер «Уазика». Затем ее водитель сдал назад, вывернул широкие низкопрофильные колеса влево и рванул с места так, что в разные стороны полетели камешки. Нагло объехал армейский вездеход и остановился у самого шлагбаума. Чуть носом под него не влез. Теперь «БМВ» и «Мерседес» разделяли только три пары рельсов да два выкрашенных бело-красными полосами деревянных бруса. Стекла «Бимера» были тонированы хлеще солнцезащитных очков, тусклые блики переливались на никелированной окантовке дверей.

– Я от «БМВ» однозначно торчу, – Андрей опустил стекло, дождь стал слепым – моросил лениво, не мешая солнцу поглядывать из-за туч. В воздухе запахи шпала и угля перемешались с ароматом садов.

– Ты слышал, Эдик, как он газанул? Звучок – одуреть можно. У новых «Бимеров» почти у всех такой выхлоп – не поймешь, машина разгоняется или ракета взлетает.

– Седьмой к-кузов... – прицокнул языком Армеец. – Ли-литра три объем мотора.

– Чтобы ты не сомневался. А то и все пять.

– А катки? – добавил Бандура. – Как у танка, честное слово. – Андрей пожирал колеса «БМВ» исполненным зависти взглядом. – Такие на «Жигули» поставить – они и с места не сдвинутся.

Пока поезд неторопливо приближался, то и дело посвистывая на ходу, передние двери «БМВ» отворились и двое здоровенных парней выбрались на свет Божий.

Если и ниже Протасова ростом, то уж никак не уже в плечах. Оба одеты по-спортивному. С глазами, упрятыми за черные капли очков. Чуть погодя из задней двери вылез третий. Под стать первым двоим. Не челове – боров. Вынул мобильный телефон и принялся кому-то названивать. Или связывался по рации. Издали было не видно, да и сути дела не меняло.

– Ну и гоблины, – с завистью сказал Андрей. – Всю жизнь таким страшным мечтал заделаться. Чтобы на улице никто не приставал. Ходи, где хочешь и когда хочешь.

– Номера к-крымские, – отметил Армеец. – Местные козыри, судя по всему... Слышишь, Андрей, п-перестань на них зыркать. В К-киеве узколобых не видел?... И так х-хлопот полон рот. Мало тебе проблем на голову?

Пока один из крымчан говорил, двое других мрачно поглядывали в сторону желтого «Мерседеса».

– Да они сами на нас пялятся, как бараны на новые ворота.

Поезд, наконец, загрохотал по переезду. Сначала прошел локомотив. Низко урча мотором и время от времени оглашая окрестности короткими резкими свистками. В нос жарко пахло соляжкой и машинным маслом. За тепловозом бесконечной чередой потянулись товарные вагоны, цистерны, с десятков угольщиков.

– Ну и длинный же состав, – Андрей сбился со счета и теперь просто провожал вагоны глазами. – Интересно, как локомотив такую громадину тащит? Ума не приложу...

– А сзади «Камаз» как назло п-припер, – голос армейца наполнился тревогой.

– Ты о чем это говоришь? – остолбенел Андрей, глянул на перепуганного Эдика и волосы у него самого встали дыбом. – Эдик, ты чего, а?

– Андрюша, – Армеец яростно теребил в пальцах воротничок своей рубашки. – Андрюша! Как до хвоста дело дойдет – сразу жми на гашетку!

– Зачем?

– Жми, потом по-поймешь!..

Последний вагон прогрохотал мимо. Толстуха-железнодорожница дала предупредительный звонок. Шлагбаум, подрагивая, пополз вверх, но светофор еще горел красным. Только и ждавший этого Андрей отпустил сцепление и дал полный газ. Тахометр зашкалило. Задние колеса «Мерседеса» пошли юзом, взвыла резина и машина выпрыгнула на переезд, едва не зацепив правой передней стойкой нижнюю кромку шлагбаума. Перелетела через рельсы, в мгновение очутившись на одной стороне с крымским «БМВ». Никто и рта открыть не успел, как «мерседес» уже удалялся от переезда, с каждой секундой набирая скорость.

– Чуть Санин «Мерседес» в кабриолет не превратили, – позеленел Андрей.

– Гони, А-андрюша! – закричал Армеец, уставившийся в заднее зеркало. – Гони! Разворачиваются они!

«Мерседес» влетел в огромную лужу. Скорость уже перевалила за сотню и машина пару секунд глиссировала по поверхности воды, как самый настоящий экраноплан. Колесные арки взорвались грохотом Ниагарского водопада. Совсем рядом мелькали стволы придорожных деревьев, на которые с невероятной скоростью несло практически потерявший управление «Мерседес».

– Держись, твою мать! – звонко выкрикнул Андрей, готовясь к самому худшему.

Лужа осталась позади.

– По-по-повезло! – не менее звонко закричал Армеец.

В следующее мгновение передние колеса машины влетели в громадную выбоину посреди дороги. Задние последовали за ними. Пружины сжались до упора, задок с глухим стуком сел на ограничители. «Мерседес» тряхнуло так, что застонал весь кузов. Андрей успел подумать: *«Дискам труба!»*

– Э-э! – не своим голосом заорал разбуженный наконец Атасов. – Не свое – не жалко?! Ты мне амортизаторные чашки выбьешь, орел!..

Он попробовал принять сидячее положение, но Бандура крутил рулем, на ста сорока вписываясь в повороты и выходя из них, так что Атасова болтало по всему заднему сидению, как бутылку в волнах.

Вслед за хозяином на ноги подхватился Гримо. Глаза бультерьера были безумными.

– До-догоняют!.. – нервно выкрикнул Армеец. – Давай, Андрей, топи!

– Кто, вашу мать?! – взбесился Атасов. – Кто догоняет, ядрена вошь?!

Андрей не раскрывал рта, все внимание обратив на дорогу.

Промелькнули последние домики Воинки. По обеим сторонам дороги до самого горизонта распростерлись бескрайние поля, то там, то тут перемежаемые тонкими стрелками лесополос.

– Ж-жми, А-андрюша!

– Да жму я, – рассвирепел Андрей.

Спидометр и так показывал 195 километров в час. Правая нога непроизвольно дрожала, вдавливая педаль подачи топлива в днище по самую лягушку.

– Все, предел!

– До-достанут они нас, – кричал Армеец.

«БМВ» стремительно сокращало дистанцию. Сразу за Воинкой отставало на четверть километра, теперь же разрыв между машинами исчислялся какой-нибудь сотней шагов.

Скорость была такая, что большинство выбоин в асфальте «Мерседес» просто перелетал. Подвеска страдала безбожно, но сам салон лишь раскачивался из стороны в сторону. Андрей нутром ощущал, что удерживает машину на трассе на пределе возможного. Казалось колеса вот-вот утратят контакт с асфальтом и «Мерседес» пулей полетит в кювет.

– «Бимер» на обгон пошел!.. – командирским голосом пролаял Атасов над самым ухом у Андрея. – Дави его, гада!.. Лево руля!

«Проснулся и без кофе»... – подумал Андрей, и повел рулем влево, перекрывая «семерке» дорогу. Один миг он был уверен, что машины обязательно столкнутся, но в последний момент водитель «Бимера» заблокировал колеса. Из-под колесных арок «БМВ» повалил дым, но ни вправо, ни влево иномарку не отбросило, к огромному огорчению пассажиров «Мерседеса».

– Вот, типа, что означает система «АБС» в действии, – тоном менеджера из автосалона сообщил Атасов. – Хорошая у ребят машина, типа...

Разрыв между охотниками и дичью сразу вырос до сотни метров. К сожалению, не надолго. «Бимер» ринулся в погоню и поразительно быстро сократил отрыв.

– Дурак он! – нервно прокричал Андрей. – Водитель бимеровский... Если б по тормозам не лупил – подцепил бы нас, как щепку!.. Таких бы кульбитов накрутили – мама не горюй!..

– Бабка надвое сказала! – отрезал Атасов.

И тут первая пуля щелкнула по крыше «Мерседеса», срикошетила об один из сварочных швов и с омерзительным вжиком ушла в сторону. Спина Андрея покрылась холодным потом.

– Ни-ничего себе! – взвизгнул Армеец.

– Хорошенький прием новоприбывших, – сцепил зубы Атасов. – Здорово же вы, хлопцы, их раззадорили, пока мы с Гримо спали!..

– Да мы их не трогали!.. – взвыл Бандура.

Вторая пуля прошла заднее стекло «Мерседеса», прошла переднее и улетела куда-то вперед.

– Ого, типа!..

По лобовому стеклу поползли кривые трещины, что придало ему определенное сходство с картой мегаполиса.

– Пригни башку, Гримо! – скомандовал Атасов, пытаясь затолкать бультерьера в пространство между сиденьями. Тот упирался как мог. Пули преследователей посыпались градом, куроча стойки, кроша задние фонари и багажник. Одна из них угодила в зеркало заднего вида. Зеркало лопнуло. Осколки брызнули в разные стороны. Лобовое стекло посыпалось в салон. Эдик вскрикнул и схватился за лицо. На пол падали куски обшивки крыши. Гримо завизжал.

– Ого, – повторил Атасов. На его губах заиграла улыбка, больше похожая на гримасу. – Расстрел питерских рабочих, типа?! Не потерплю!

Атасов отказался от борьбы с ополоумевшим бультерьером и нырнул под водительское сиденье. Разогнулся через пару секунд, сжимая в руках массивную деревянную кобуру с заточенным в нее пистолетом «Стечкина».

– Раз пошла такая пьянка... – хладнокровно процедил Атасов, извлекая пистолет из кобуры.

– Осторожно, Андрюша! – крикнул Армеец, у которого все лицо было залито кровью. Метрах в двухстах перед ними по дороге неторопливо волочился большущий зерноуборочный комбайн, раскачивавшийся на ходу, как шхуна при килевой качке. Тяжелая сельскохозяйственная машина перегораживала всю полосу движения, а жернова молотилки мотылялись перед комбайном, оставляя свободными метра два встречной полосы. Назад комбайнер не смотрел. Бандура надавил клаксон. Расстояние до комбайна сокращалось с невероятной быстротой. «БМВ» шло в каких-нибудь десяти метрах позади. Из обоих окон правого борта гремели выстрелы. Принимая во внимание скорость и качество дорожного покрытия, ни о какой прицельной стрельбе и речи быть не могло. Впрочем, дистанция была минимальной, так что снайперская точность стрелкам не требовалась. Львиная доля выпускаемых пуль все равно доставалась «Мерседесу», на глазах превращая машину в решето.

Яростно клаксоня, Андрей пошел на обгон. «Мерседес» резко подбросило – оба левых колеса выскочили на обочину встречной полосы. Справа мелькнул тяжеленный барабан зернокосилки. Едва он остался позади, как Андрей, повинувшись совершенно безотчетному импульсу, одновременно утопил в пол педали сцепления и тормоза. Шины завизжали как от боли, «Мерседес» развернулся градусов на сорок относительно осевой. Водитель «БМВ» тоже ударил по тормозам. Последствия такого решения оказались просто ужасными. Машина с душераздирающим хрустом налетела на массивные жернова комбайна. Даже не налетела, а скорее наделась на них. Кинетическая энергия иномарки была столь велика, что какое-то время «БМВ» по инерции продолжало нестись вперед. Правая передняя дверь исчезла, вслед за ней жернова подмяли под себя стойку крыши и вспороли борт автомобиля до самого заднего бампера. Правые шины «БМВ» взорвались. Стрельба из машины прекратилась. Один из стрелков погиб на месте, превратившись в бесформенную кровавую массу, второго тяжело ранило. Водителя оглушило. Четвертый член экипажа, занимавший пассажирское сиденье позади водителя, тот самый боров, что на переезде по телефону звонил, попробовал открыть дверь и выбраться наружу. Действовал боров словно лунатик.

Андрей воткнул передачу, собираясь убираться восвояси.

– Сдай-ка задом, боец! – приказал Атасов таким голосом, что у Андрея мурашки пошли по коже.

Атасов, у которого кровь капала с разбитой при экстренном торможении губы, держал пистолет «Стечкина» обеими руками. Он просунул оружие в жалкие ошметки того, что еще десяток минут назад было задним окном «Мерседеса» и дал длинную очередь по вылезшему из «БМВ» бандиту. Разинув рот, Андрей наблюдал, как все пули улеглись в цель – между лопаток борова. Тот полетел на асфальт, будто ворох старого тряпья. Атасов повел стволом влево и нажал на спусковой крючок. Водитель «БМВ» несколько раз дернулся за рулем и исчез под торпедой.

– Вот так, типа! – пролаял Атасов.

Едва отзвучало эхо выстрелов, как на дороге воцарилась тишина. Совершенно противоестественная. Ствол «Стечкина» еле заметно дымился. Комбайн стоял на месте. Мотор его заглох. В задранной над землей кабине замер механизатор. Может, проклинал тот день, когда подался в комбайнеры, может просто ждал своей участи, которая в данный момент целиком зависела от прихоти человека с пистолетом. Ствол «Стечкина» медленно двинулся вверх.

– Саня, не надо! – крикнул Андрей. Он перегнулся через сиденье и вцепился в руку Атасова. – Саня!.. Не смей!..

Атасов порывисто обернулся. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Андрей с ужасом осознал, что глаза приятеля стали похожи на две бездушные стекляшки. Затем что-то изменилось, Андрей с облегчением вздохнул – лицо Атасова начало понемногу просветляться.

– Как скажешь, типа... – проскрипел Атасов. – Тогда трогай, давай!.. – Он выщелкнул обойму из «Стечкина» и полез под сиденье за боеприпасами.

Андрей локтем выдавил остатки лобового стекла, включил первую передачу. Пока Атасов перезаряжал оружие, ехали молча. Андрей держал около семидесяти, и ветер с ураганной силой гулял по салону. Армеец сидел с закрытыми глазами и прерывисто, тяжело дышал. Щеки Эдика очень здорово пострадали от осколков, но глаза были целы.

– Эдик, ты как?

– Жи-жи-вой, – прошептал Армеец.

Не успели приятели проделать и пару километров, как Бандура позвал Атасова:

– Саня... – нервы у Андрея натянулись, будто тетива лука, – Впереди фигня какая-то!..

Метрах в двухстах дорога оказалась перегороженной. Вдоль нее неподвижно застыли грейдеры, бульдозеры, экскаваторы и прочая тяжелая техника. Асфальт отсутствовал напрочь. Вместо него то тут, то там громоздились кучи щебня и песка. Невдалеке от превращенной в стройплощадку дороги размещалась пара зеленых строительных вагончиков, – штаб строительства, прорабская или что-то в этом духе. Тройка вороных джипов, припаркованных перед вагончиками, сразу бросилась в глаза Атасову и подействовала на него, как на быка – красная тряпка.

«Мерседес» проскочил мимо большого предупредительного щита, сообщавшего о производстве дорожных работ: «Внимание! Тра-ля-ля-ля... Участок перекрыт... Работы ведет СМУ номер такое-то». Сразу за щитом показался указатель, отпавлявший транспорт в объезд.

– Напрямик, давай! – гаркнул Атасов и передернул затвор «Стечкина».

Андрей не сбавлял скорости. «Мерседес» сшиб несколько красных заградительных турникетов и выскочил на участок свежееуложенного асфальта.

В салон ворвался концентрированный запах раскаленного битума. «Мерседес» чудом разминусился с мощным катком и едва не влетел под тяжелый грейдер.

– Вправо давай! – заорал Атасов.

Андрей крутанул руль. Машину понесло по щебенке, словно санки по льду. С грохотом динамитной шашки лопнула двухсотлитровая бочка дизеля, которую «Мерседес» сшиб по пути, будто кеглю.

– Глаза! – взвыл Андрей, умытый соляркой с ног до головы.

– Армеец, держи баранку, твою мать! – крикнул Атасов. Но Эдик не подавал признаков жизни.

Из прорабских вагончиков высыпало человек семь-восемь.

– Саня, я ни черта не вижу! – истошно вопил Андрей.

Атасов протиснулся между подголовниками с ловкостью гремучей змеи и схватился за руль левой рукой. Выбросил правую в выбитое окно пассажирской двери и, не целясь, разрядил обойму «Стечкина».

«Мерседес» снес последний турникет, и тот полетел вверх с изяществом воздушного змея, подхваченного порывом ветра. Дорога впереди была свободна.

Атасов вел машину левой рукой. Обе его лопатки прилипли к потолку «Мерседеса». Андрей держался за лицо. Глаза нестерпимо жгло.

– Дави на педаль, солдат! – скомандовал Атасов. – Я все вижу. Только давай жми, и все будет ништяк!..

– Глаза... – стонал Андрей.

– Чепуха! – откликнулся Атасов. – Не паникуй, солдат, сейчас проморгаешься...

Около километра проехали, управляя машиной таким причудливым тандемом. Один командовал и вращал баранку, второй управлялся с педалями.

Зрение понемногу вернулось к Андрею. Атасов перелез назад. Перепуганный Гримо бросился иступлено вылизывать хозяина.

Миновали оседлавшее левую сторону дороги Лобаново. Сразу за селом параллельно трассе вновь потянулась бесконечная линия железной дороги.

– Армеец, – Атасов перезарядил оружие, – Армеец, карта Крыма у тебя?

Андрей с тревогой покосился на Эдика.

– Саня! – начал он упавшим голосом, – Саня?!.. Мне кажется... – Андрей сглотнул слюну, чувствуя подступившую дурноту.

Атасов снова полез вперед.

– Ух ты, черт! – только и нашелся Атасов, – фу ты, типа, черт! Бандура, видишь, тот проселок? Сворачивай в него и гони, не останавливаясь!

Андрей повернул, как было велено. «Мерседес» загорцевал по ухабам. В багажнике что-то звякнуло, крышка открылась на ходу. Замку пришел конец. Не снижая скорость, проехали около километра.

– Видишь лесополосу? – окликнул Андрея Атасов. Тот кивнул.

– Туда давай...

– Понял.

Подняв тучи пыли, «Мерседес» помчал вдоль лесополосы. Это была уже не дорога, а колея на краю кукурузного поля, проторенная сельскохозяйственными машинами.

– Тормози! – приказал Атасов.

Андрей направил машину в кусты. Затрещали, ломаясь ветки, листва прошелестела по бортам. Машина остановилась в скупой тени тщедушных степных деревьев. Атасов выбрался первым, кинул быстрый взгляд по сторонам:

– С дороги вроде не видно...

Андрей обогнул «Мерседес», под капотом что-то громко тикало, ругательски ругая себя за совершенно непослушные ноги. Остановился, опершись на крыло. Стрекотали кузнечики. В кустах кто-то энергично шуршал, наверное, ящерицы сводили счеты, а может копошились полевые мыши. Беззаботно трещали цикады. Покачивались на ветру бесконечные шеренги кукурузы.

– Слушай, Саня... Чего так сухо? Здесь что, дождя не было? – почему-то спросил Бандура.

– Да хрен его знает, – не оборачиваясь буркнул Атасов. Он уже склонился к Армейцу.
– Эдик? Эдик?... – Атасов расстегнул спортивную куртку Армейца. Рубашка на груди и животе Эдика лоснилась от крови. Кровь заляпала брюки Армейца и небольшой лужей скапливалась на сиденье.

«Да он же в луже своей крови плавает!..»

Андрей ухватился за дверцу – в глазах потемнело. Тем временем Атасов нащупал сонную артерию на горле Эдика.

– Живой! – выдохнул он с облегчением. Разорвал рубашку на груди товарища. Напившаяся кровью ткань треснула с омерзительным звуком. Кровь буквально брызнула из-под пальцев Атасова. Андрей подумал, что сейчас брякнется в обморок на сухую и пыльную траву.

Атасову было не до Андрея. Он пытался добраться до раны на груди Армейца.

– Педант чертов, – беззлобно выругался Атасов, обнаружив под разорванной рубашкой еще и бурую от крови майку.

– Эка же тебя! – скривился Атасов, когда с майкой было покончено. – Ох ты черт! Бандура! Живо тащи аптечку!

Андрей, у которого в глазах плавали темные пятна, а голос Атасова доносился изда- лека, словно через три слоя ватина, полез на заднее сиденье. Руки его не слушались. Как впрочем и ноги.

Дермантиновый чемоданчик аптечки оказался как минимум дважды прошит пулями. Андрей вывернул его на капот.

– Перекись цела, – Андрей зубами выдернул пробку.

– Тампон давай!

Окинув беглым взглядом две упаковки бинтов, которыми оказалась богата аптечка, Атасов, не долго думая, сбросил с себя рубашку, наступив ногой на один из рукавов, располо- совал ее на чести. Быстро приготовил тампоны. Прижал первый к груди Армейца, потянул того на себя. Армеец подался вперед, безжизненный, точно кукла.

– Держи его! – скомандовал Атасов.

Андрей нашарил среди груды медикаментов на капоте флакон нашатырного спирта, вскрыл и поднес к носу. Глаза моментально полезли на лоб, зато в голове прояснилась.

– Да ты что, оглох, твою мать?! – не поворачивая головы, заорал Атасов.

Бандура оторвался от спасительного капота и, собравшись с духом, пришел на помощь товарищу. Атасов повторил операцию с входным отверстием на спине Эдика. Закрепил оба тампона лейкопластырем. Все на скорую руку.

– Помоги мне, типа.

Вдвоем они вытащили Армейца из машины, водворили обратно, теперь на заднее сиде- нье.

– Куртку снимай, – распорядился Атасов. Скомкал протянутую ветровку, бережно зало- жил под голову Эдику. Тот даже не застонал.

– Он очень быстро кровь теряет, – Атасов шагнул к капоту, сломал шейку ампулу суль- фоканфокаина, набрал полный шприц и, вернувшись к Армейцу, сделал укол. Отбросил шприц в кусты и отступил на шаг. Вытянул из брюк помятую пачку «Ротманс» закурил.

– Что ты ему вколол, Саня?

– Сердце поддержать! – Атасов глубоко затянулся. – Все, Бандура. Большого я сделать не могу. Не умею, типа. – Атасов угрюмо покосился на машину. – На этой руине в Джанкой ломиться – и думать нечего. Закончится гонками с ментами, а нам только ментов сейчас не хватает.

Андрей уныло стоял, не зная, что сказать.

– Он умирает, – с горечью продолжал Атасов. Может, есть у него полчаса, а может нет. Давай, Бандура, по коням. Попробуем Эдика до больницы довести...

Атасов отбросил сигарету и нырнул за руль:

– Гримо к себе заberi.

Ломая кусты, «Мерседес» снова выехал на проселок.

* * *

– Саня, ты же не на Джанкой повернул?...

– Уймись, солдат! – рявкнул Атасов. – Не в одном Джанкое больницы есть!

Проскочили какое-то село. Десяток одноэтажных домиков беззаботно купался в зелени садов. За селом, слева и справа, насколько хватало глаз, опять потянулись бесконечные посадки кукурузы. Атасов гнал, почти не разбирая дороги. Несколько раз, совсем рядом с проселком, проглядывало русло какого-то оросительного канала.

– Саша! Ты знаешь, куда мы едем?! – выкрикнул Андрей. На зубах у него скрипела пыль, а в душу начало закрадываться скверное подозрение, что заблудились они, блин.

– На юг, – не разжимая челюстей, проскрипел Атасов. Гримо несколько раз оглушительно чихнул. Так, как это умеют делать только собаки. Армеец совершенно неподвижно лежал позади. Лицо его стало белее снега. О том, что Эдик умер, Андрею не хотелось думать. Едва коснувшись друга взглядом, он немедленно отвернулся.

Они пронеслись мимо поля, на котором копошились женщины. Вроде что-то пропалывали. Колхозницы молча проводили изрешеченую иномарку удивленными взглядами. Никто не проронил ни звука.

– Думают, опять бандиты счета сводят, – Андрей обернулся к Атасову.

– Так оно и есть, типа, – ощерился Атасов и злобно выругался.

Почти что сразу за полем раздолбанный проселок уперся в узкую дорогу с асфальтовым покрытием. Атасов свернул направо.

– Глянь что с Эдиком, – бросил он Андрею.

– Лежит...

– Пульс пощупай, кретин!

Андрей столкнул с себя Гримо, беспардонно топтавшегося по нему, наклонился к Армейцу.

– Слабый есть, – дрожащим голосом доложил Андрей. Атасов кивнул. «Мерседес» набирал скорость. Почувствовав под колесами относительно приличное покрытие, Атасов намеревался выжать из своего желтого коня все, что только возможно. Салон превратился в настоящую аэродинамическую трубу. Дышать и разговаривать стало сложно.

Минут через пятнадцать они обогнали грузовик. В кузове сидели люди. Андрей подумал, что с радостью поменялся бы с любым из них местами.

Дорога вела прямо на запад.

– Половина девятого утра! – задыхаясь, выкрикнул Андрей. Атасов в ответ кивнул.

– Справа хутор какой-то!

– Плевать на хутор, Бандура!

Еще минут через пять они оказались на «Т»-образном перекрестке. Атасов уверенно повернул на юг. Покрытие стало лучше, дорога шире. В девять пятнадцать из-за горизонта выплыло крупное село. Завидев его, Атасов поднажал.

– Алексеевка, – прокричал Андрей, прочитавший черную надпись на белом дорожном указателе. – Алексеевка какая-то...

«Мерседес» замедлил бег.

– Вращай башкой по сторонам, Бандура, – отдал приказ Атасов.

«Мерседес» обогнул две попавшиеся на пути лужи. В третью все-таки влетел, подняв целый фонтан брызг. Скорость упала до полусотни.

– Не хватало задавить кого из местных жителей, – пробурчал Атасов.

– Местные все на полях, – тоном знатока откликнулся Андрей. – В такое время крестьяне работают. Тут тебе не город, Саня. А детвора в школе, должно быть...

Улица была пустынной, если не принимать в расчет пары старичков, оседлавших лавки перед калитками, да двух-трех дошкольников, резвившихся на обочине неподалеку.

– Саня, больница вроде бы!

Невысокий забор слева был сбит из посеревших от времени досок и ничем не отличался от таких же точно заборов, тянувшихся по обеим сторонам улицы. Красился в прошлом году, а то и в позапрошлом. За забором раскинулся тенистый сад, в глубине которого просматривался невзрачный одноэтажный домик. Ворота были открыты. На правой створке был прикреплен выкрашенный в синий цвет фанерный прямоугольник с красным крестом посередине.

Атасов остановил машину. Откуда-то донеслось возмущенное мычание коровы. Где-то кудхтали куры. Неподалеку забрехала собака, и судя по звуку потащила за собой длинную стальную цепь. В ответ Гримо хрипло залаял.

– Заткнись придурок! – рявкнул Атасов, включая задний ход. Сдал назад, вывернул руль и решительно заехал в ворота. Шины зашуршали по гравийной дорожке. Атасов затормозил у крыльца. Стайка кур, переполошенная внезапным вторжением, дружно кинулась на утек.

Пока Бандура хлопал ушами, Атасов скрылся в дверях сельской больницы. Андрей вылез наружу, открыл заднюю дверь и тихо позвал.

– Эдик?..

На виске Армейца пульсировала маленькая жилка.

– Эдик?

«Господи, не дай ему умереть...»

– Посторонись-ка, Бандура. – Атасов неожиданно возник за спиной. Компанию Атасову составлял пожилой сухопарый мужчина лет шестидесяти, одетый в чистый белый халат и с докторской шапочкой на голове. Облик врача довершали круглые очки с толстыми линзами, державшиеся на самом кончике носа.

– Давайте перенесем его в больницу, – сразу же распорядился врач.

– Бери за ноги, – приказал Атасов Бандуре. Влез в салон и бережно подхватил Эдика подмышки. Они с трудом вытащили Армейца из машины. Андрею показалось, что Эдик будто налился свинцом.

Уложив Армейца на носилки, они внесли его в дом. В больнице было прохладно и чисто. Доктор шел впереди, указывая дорогу. Вскоре они добрались до операционной и со всеми возможными предосторожностями переложили Армейца на большой высокий стол. Андрей отступил назад, испытывая невероятное облегчение от того, что к делу подключился настоящий медик. Состояния друга это не меняло. Пока, по крайней мере, но доктор, он доктор и есть. Не Господь Бог, ясное дело, однако же и не простой смертный. Особенно в таких случаях.

– Он будет жить? – совсем по-детски поинтересовался Андрей, рядом с врачом сразу почувствовавший себя беспомощным ребенком. Атасов, казалось, испытывал нечто подобное. Это на улице, в троллейбусе, кинотеатре, очереди за колбасой и во всех прочих местах доктор – обыкновенный человек, отсидевший некогда шесть лет за партой медицинского института и вознагражденный за проявленное упорство синим (красным) дипломом установленного законом образца. Во всех прочих местах – так оно и есть. Но, только не в операционной.

Врач нагнулся к Эдику, взялся за запястье, приподнял веко и озабоченно покачал головой.

– Доктор... – Атасов глянул на врача в упор. Голубые глаза доктора за толстыми линзами очков выглядели до странности беззащитно.

– Доктор, я прошу Вас сделать все, что только возможно. Все, что возможно. Вы понимаете?

Врач кивнул.

– Мы не можем ждать, – отрывисто проговорил Атасов. – Нам немедленно надо ехать. Но вы, доктор, сделаете для него все.

С этими словами Атасов вытащил из кармана толстую пачку долларов, перехваченную вишневой резинкой для волос.

Врач нерешительно одернул руку, но Атасов, грубовато придерживая его локоть, сунул деньги в ладонь.

– Сделайте все, что в Ваших силах. И более того, – повторил он и двинулся к двери. На пороге остановился и, делая ударение на каждом слове, проговорил:

– Не стоит бежать к телефону и звонить в милицию. Это будет совершенно лишним. Помогите ему – вот все, что требуется.

Атасов вышел наружу. Андрей бросил взгляд на восковую маску, заменившую Эдику лицо, пытаясь прогнать из головы отвратительное прилагательное «прощальный», – *«Не прощальный. Тревожный, печальный, грустный, многозначительный, какой угодно, только не прощальный»*, – и поспешил вслед за Атасовым. В коридоре Бандура разминуться с медицинкой сестрой, спешившей на помощь врачу. Андрей заметил, что она милая и совсем юная. Девочка, которой куда больше к лицу белый передник старшеклассницы, нежели белый халат медсестры.

Атасов, не тратя ни минуты, выехал со двора.

– Саня? – попробовал всхлипнуть Андрей.

– Не знаю я! – отрезал Атасов. – Тут от нас с тобой уже ничего не зависит. НИЧЕГО!

Вскоре село осталось позади. Дорога уводила их на юго-восток. Туда, в сущности, им и надо было.

– Может, хотя бы пистолет ему показать следовало? – прервал молчание Андрей.

– Кому?! – не понял Атасов.

– Ну, врачу...

– Зачем? – Атасов вытаращил глаза.

– Да чтобы знал, кто мы! – завелся Андрей. Ощущение трепета перед доктором, возникшее у него в операционной, уже рассеялось, как дым:

– Чтобы с Эдика пылинки сдувал, зараза!.. Гиппократ хулев...

– Ты что, Бандура, окончательно рехнулся?! – вскипел Атасов. – У нас не машина, а самый натуральный дуршлаг. Ты да я – в крови по самые уши! Кто мы для него, по-твоему?.. Два преподавателя физики в отпуске?! Активисты – пацифисты?! Да у тебя на лбу написано, кто ты есть, и у меня, между прочим, тоже. Пи-сто-лет, – произнес по слогам с издевкой, – сдурел, типа.

Въехали в очередное село. Атасов, поколебавшись, свернул с главной дороги. Вновь потянулись бесконечные поля кукурузы.

– «Детей кукурузы» читал, типа? – неожиданно спросил Атасов. – Стивен Кинг написал.

– Нет, а что?

– И кино не смотрел?

– Нет...

– Тогда ничего, типа.

Около получаса неслись по грунтовой дороге. Вокруг не было ни души.

– Вот что, – озабоченно проговорил Атасов. – Воду надо где-то отыскать. Умыться хотя бы. Одежду почистить – тоже не помешает. И машину нужно менять. Причем срочно, Бандура. В моем дуршлаге мы с тобой по ЮБК далеко не уедем. И на трассу Джанкой-Симферополь соваться не стоит. Гиблый номер, типа.

* * *

Они снова катили на запад. Завидев впереди несмелый блеск водной поверхности в разрезе между двумя морями кукурузы, Атасов, не долго думая, свернул к каналу. «Мерседес» пошел крошить сочные зеленые стебли, обломки протестующе скребли по днищу. Заехав подальше в поле, Атасов заглушил мотор. Оба приятеля спустились к каналу. Бандура стал на четвереньки и окунул голову в заросшую ряской воду.

– Уфф, – фыркнул он. – Здорово.

Гримо немедленно последовал примеру Андрея, прыгнув в канал с грацией авиабомбы. Брызги полетели, как от взрыва. Негодуя заквакали местные лягушки.

Приятеля кое-как привели себя в порядок. Атасов натянул старую черную футболку, весьма кстати заваливавшуюся в багажнике. Оба уселись на пригорке. Закурили, глядя на мутную гладь канала. Гримо, счастливый в своем собачьем неведении, бесшабашно носился вдоль берега. Может бультерьер полагал, будто неприятности остались позади, а скорее всего, вообще ни о чем таком не думал. Распугал целую армию лягушек на берегу, и широко разинув пасть, самозабвенно охотился за водомерками.

– Кто на нас напал, Андрей? – угрюмо спросил Атасов.

Бандура, конечно-же, не знал. Рассказал товарищу о том, как на милицейском КП безнадежно отстал Протасов, упомянул роковой переезд в Воинке, с которого и началась погоня, завершившаяся тяжелым ранением Армейца.

– Не нравится мне это... – мрачно покачал головой Атасов. – Слишком уж, типа, организованную травлю напоминает. Он немного помолчал.

– Что-то сомнения меня берут, – Атасов закончил вытирать тряпкой туфли и зашвырнул ее в канал. Движение хозяина не ускользнуло от верного пса. Гримо метеором ринулся за тряпкой.

– Фу, дурак! – рявкнул Атасов. – Так вот, Бандура. Сомнения меня берут, типа. Не представляю я, как Бонифацкий, прямо с поезда, такую облаву организовал?.. Кишка у него тонка...

– Может, совпадение...

Атасов пожал плечами:

– Всякое случается, Андрюша... – он проводил глазами Гримо, вернувшегося к своим водомеркам. – Четверть двенадцатого. Похоже, в Симферополь уже ехать незачем.

Атасов встал, отряхнул брюки и медленно направился к «Мерседесу».

– Будем Бонифацкого в Ялте брать. Чего нам, дружище, на его территории ожидать, если с первых крымских километров такие пироги пошли, мне, честно говоря, и представлять не охота.

Уже усевшись за руль, Атасов добавил:

– Дурака этого на заднее сиденье запихивай. Теперь будет всю дорогу мокрой собачатиной вонять...

* * *

В обед они выехали на трассу Р-57, связывающую Красноперекопск с Гвардейским. «Мерседес», в который раз за сегодня, двигался на юг. Дорога стала гораздо оживленнее.

– Поехали, типа, – подбодрил Атасов повесившего нос Андрея. – По ходу дела что-нибудь да придумаем.

Вскоре они пересекли изумрудную нитку Красногвардейского канала.

– Красногвардейцы, что ли, рыли? – несколько оживился Андрей.

– А Бог его знает...

Едва канал исчез из виду, как далеко впереди, на встречной полосе, показалась спешащая навстречу легковушка. Она несла на крыше конструкцию, напоминавшую либо вполне миролюбивый багажник, либо проблесковые маячки милицейского патрульного автомобиля. Небо к обеду очистилось от туч, воспрянувшее духом солнце безжалостно слепило глаза, издали было не разобрать.

– Господи, пускай это фермер мешки с картошкой на базар везет, – попросил у небес Андрей.

– Тут с картошкой туго, Бандура, – буркнул в ответ Атасов. – Не родит у них земля картофель... Не родит, типа.

Дистанция между машинами стремительно сокращалась. Атасов поднажал, справедливо рассудив, что хуже не будет.

Минуты не прошло, как безобидный фермер обернулся злокозненной милицейской «пятеркой». Милиционеры пролетели мимо, во все глаза уставившись на желтый атасовский «Мерседес».

– Пронесло?! – не поверил Андрей.

Вслед за его словами позади раздался визг тормозов. А потом заорала сирена.

– Ого, типа, – сказал Атасов, энергично наступая на педаль. Ускорение придавило Андрея к сидушке. Ветер завыл по салону, в унисон разрывавшейся за кормой сирене. Один из патрульных грозно заорал в матюгальник, призывая беглецов остановиться.

– Желтый «мерседес»... фа-фа... ля-ля... Принять вправо, заглушить двигатель!

– Губу закатай! – во все легкие завопил Бандура, хотя и понимал, что шансов быть услышанным у него нет.

– Если у них, типа, машина радиофицированная, – плохи наши дела, – крикнул Атасов, сворачивая в очередной проселок. – Сейчас пойдут обкладываться со всех сторон, как волков... И вертолет, козлы, подымут! Помяни мое слово! Не даром он у них на КП стоит!

Едва машины оказались на грунтовке, милицейский автомобиль исчез в клубах поднятой «Мерседесом» пыли.

– Дымовая завеса, мать вашу! – даже развеселился Бандура.

Вопреки порадовавшей Андрея завесе милиционеры упорно держались на хвосте, и не думали отставать, судя по завывающей невдалеке сирене. «Мерседес» перелетел насыпь асфальтированной дороги и снова выскочил на грунтовку. При этом маневре машину сначала подбросило вверх, словно на горнолыжном трамплине. Несколько секунд они парили по воздуху, а сердце Андрея провалилось в пятки. Затем «Мерседес» тяжело приземлился. В корме что-то оглушительно клацнуло.

– Пружины не выдержали! – крикнул Атасов. – Обломились, типа!

Андрею было не до пружин. В момент приземления он прикусил язык до крови и теперь тихо радовался, что вовсе его не отхватил.

– Налетели бы на обломки – и дело в шляпе, – размечтался Атасов. Милицейская сирена было приутихла, но вскоре опять разоралась поще прежнего.

– В такой нервной, типа, обстановке от управления машиной никакого удовольствия не получаешь, – Атасов не вписался в крутой поворот и «Мерседес» помчался по полю, словно скоростной сельскохозяйственный комбайн. Затем Атасову удалось вернуть машину на проселок.

Когда перелетали очередную колдобину, «Мерседес» здорово тряхнуло. Днище ударилось о землю. Двигатель взревел, будто раненый зверь.

– Глушитель потеряли, – продолжил счет повреждениям Атасов. – Теперь нас за километр слышно будет!

Он с тревогой посмотрел на приборы:

– Какого-то черта масло моргает?! Вот, типа, дерьмо.

– Поддон картера пробил? – ужаснулся Андрей

– Не дай Бог, – помрачнел Атасов. – И датчик топлива на нуле. Андрей, ты ночью бак заправлял?

– Десять литров под Херсоном залил! – чуть не плача, прокричал Бандура.

– Какого беса всего десять?!

– Армеец сказал много не брать. Мол, в Крыму бензин лучше.

Атасов закрипел зубами.

Вскоре впереди показалась насыпь очередной автомобильной дороги. Атасов взял левее, собираясь выбраться наверх. Скорость оставалась приличной, перед машины задрался к небу и они едва не перевернулись.

Оказавшись на дороге – на этот раз на бетонке, Атасов немедленно остановил машину. Спокойно оглянулся назад.

– Что-то я сирены не слышу? Может, оторвались?!

Как бы наперекор Атасову, патрульный автомобиль выскочил из пыльных облаков. Милиционеры неслись с зажженными фарами, маяки с крыши они где-то успели посеять.

– Какого лешего ты стал?! – заорал Андрей. Атасов хмуро покосился на него. Молча достал пистолет. Щелкнул замок кобуры, пристегиваемой к рукояти «Стечкина». Кобура превратилась в приклад.

– Саня!

– Заткни пасть, типа! Пристрелю!

Атасов устроил правую руку с пистолетом на изгибе левой, поворочал плечом, принаравливаясь к прикладу. Спокойно, будто на маневрах, взял прицел. «Пятерка» объявилась через пару минут. Выстрелы последовали один за другим. С первых же попаданий лобовое стекло милицейской машины покрылось паутиной трещин. Затем она круто вильнула в поле и неожиданно повалилась на бок. Заднее стекло выскочило из креплений и плюхнулось на траву неподалеку.

– Вот те на... – изумился Атасов. – Вот странно... Это стекло, без знания дела, за полдня не выковыряешь. Чудеса, типа.

Андрей потрясенно молчал.

– До заправки бы, типа, дотянуть.

* * *

Около часу дня навстречу попался старенький перекособоченный «Иж». Атасов коварно подпустил его поближе и под самым носом перегородил дорогу.

Когда пожилой мужичок за рулем «Ижа» разглядел нацеленный на него пистолет, пот градом покатыл по его лицу. Грудастая молодуха на заднем сидении попробовала несмело заголосить.

– Жить хочешь, дед? – напрямую спросил Атасов. Водитель затряс головой.

– Тогда пшел вон из машины!

Дед рванулся исполнять приказание, да ноги, очевидно, подвели.

– И телку свою забирай, – невозмутимо продолжал Атасов. – Нам только заложников, типа, не хватает...

– Э-э-э-то дочка моя, – жалобно пролепетал водитель, – с-с-с в-внучатами.

Андрей припомнил белое лицо Эдика, обернувшееся безжизненной гипсовой маской, и сердце у него защемило.

– Ты выходишь, козел старый, или тебя пристрелить? – холодно осведомился Атасов. Андрей пригляделся к пассажирам «ижа». Молодуха прижимала к себе грудного младенца. В детях Бандура разбирался слабовато, новорожденным был ребенок, или полгода стукнуло, определить не мог. Второй ребенок, девочка лет четырех, перепугано жалась к материнскому боку. Волосы девчонки, желтые, как солома, были собраны на макушке двумя озорными косичками. В огромных глазах застыл ужас. И еще, в них было полно слез. Вот-вот и хлынут по щекам. Глаза, не отрываясь, усталились на Андрея.

– Саня...

– Нормальное корыто для поездок, парень. Не хуже, типа, остатков «Мерседеса». У моего папани такой был...

– Саня!..

Атасов как-то странно посмотрел на товарища.

– Саня!.. – Андрей покачал головой.

– Ты дурак, типа, – спокойно произнес Атасов. – Ситуация благородные порывы исключает.

– Саня.

– Да я и сам вижу. Не слепой, твою мать...

Ствол «стечкина» опустился к земле.

– Что, солдат, будем тут стоять, пока менты со всех сторон не посыплются, как кегельные шары, типа?

– Отец... – Бандура вышел наружу, чувствуя себя примой-балериной, подвернувшей ступню в разгаре спектакля. Все взгляды устремились на него.

– Мы вас не тронем, – заверил Андрей зрителей. – У тебя, бензин есть, отец?

Водитель «ижа» энергично закивал.

– Сливай, – махнул Бандура. – Сливай бак, причем по быстрому.

– У меня канистра в багажнике, – деду удалось одолеть немоту. – Двадцать литров! Берите, ребята... Только не убивайте нас!

– Лейка есть?

Атасов убрал пистолет за пояс. Вытянул нож, ничем не уступающий ятагану. Выплеснул в рот остатки минералки из 2-х литровой пластиковой бутылки, купленной Армейцем под Херсоном. Тремя резами преобразовал бутылку в сносную лейку.

Они вылили канистру в бак до самой последней капли.

– Семьдесят шестой, типа? – скривился Атасов. – Ну, конец карбюратору.

Атасов сделал знак крымчанам, чтоб те убিরались восвояси. И чем быстрее, тем, типа, лучше.

– Смотри, дед, – пообещал Атасов напоследок. – Смотри, чтобы я не пожалел, что вас всех не грохнул... Встретишь ментов – скажешь так – разминулся с желтой иномаркой. И все дела. Ляпнешь про нас хотя бы слово, я тебя, козла, из-под земли достану.

Пока несчастный водитель «Ижа» тарашил глаза, не веря, что так дешево отделался, Атасов рывкнул привычное:

– По коням!

Андрей украдкой бросил в салон «Ижа» скомканную зеленую десятку и быстро нырнул в машину.

Тронулись с оглушительным ревом – некоторые фрагменты глушителя остались где-то в поле. Штаны выхлопного коллектора оказались расплющены, резонатор отсутствовал. Часть отработанных газов вырывалась прямо под днищем, часть вообще – в подкапотном пространстве. Стоило поднажать на газ, клапана двигателя начинали отчаянно стучать.

– Этот мотор на 76-м бензине работать не будет, – невесело сказал Атасов. Если Ганс написал в инструкции АИ-95, то поверь – не для понту. Теперь нам только с велосипедистами и телегами тягаться.

– Зажигание бы сдвинуть надо, – несмело предложил Андрей, в глубинах которого дремал прирожденный автомеханик.

– Не в этот, типа, раз.

Около часу они ехали по безлюдной дороге, встретив по пути разве что несколько одиноких грузовиков.

– Если этот старый козел, типа, растрезвонит наши приметы ментам – труба дело, как Протасов выражается. Вилы.

– Как думаешь, что с Валеркой?

– Что тут думать, типа. В СИЗО загорает. В лучшем случае, Андрюша.

– Дед нас заложит?

Атасов убежденно кивнул.

– Ясное дело. Девяносто девять, типа, процентов.

– Пускай и так. А все равно хорошо, что мы их отпустили, – с жаром отозвался Бандура.

– Молодцы, конечно, – грустно согласился Атасов. – Слов нет, Андрей. Благородный поступок... Солдат ребенка не обидит, – Атасов мрачно ухмыльнулся. – Теперь у каждого мента наше описание будет. На каждом гребаном столбе повесят. Разыскиваются два особо опасных кретина и их верный бультерьер... Так нам и дела нет...

Атасов по-возможности держал на юг, старательно избегая более-менее оживленных автострад. Кружил по проселкам, петляя между полями. Мотор «Мерседеса», как и предрекал Атасов, работал из рук вон плохо. Сам Атасов время от времени принимался нервно барабанить пальцами по рулю, курил сигареты одну за одной. Бандура всеми силами старался успокоить нервы. Противная дрожь ушла, ощущение захлопнувшейся за спиной ловушки оставалось. Настроение было – хуже некуда. Приятели почти не разговаривали, хмуρο поглядывая по сторонам. Один Гримо дрых самым бессовестным образом.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ АТАСОВА

Около трех пополудни далеко на севере пророкотал вертолет. Винтокрылая машина чиркнула небо над самой кромкой кукурузы, почти на границе видимости, и очень быстро исчезла – словно растворилась в небесной лазури. Атасов и Бандура проводили далекую точку очень настороженными взглядами. Атасов фыркнул:

– Фиговый признак, типа. Что-то я, типа, не слыхал, чтоб малая авиация при нынешнем безденежье колорадских жуков истребляла...

– По нашу душу? – вздохнул Бандура.

– Очень может статься... Мы, Андрей, за поганые восемь часов таких дров наломали, что...

Атасов умолк. Дорога впереди разветвлялась. Бетонка плавно заворачивала влево и тянулась вдоль кукурузных плантаций – к горизонту. Свеженасыпанная щебенка отпочковывалась от главной дороги и уходила вправо, теряясь посреди полей. Вкопанный на развилке щит гласил, что в конце щебенки обосновалась станция технического обслуживания автомобилей. Сам щит был невзрачным, но устанавливали его сравнительно недавно: краска не успела ни на солнце полинять, ни под дождями вздуться.

– Кого они здесь обслуживают? – задал резонный вопрос Бандура. – Трактора с комбайнами?

– Не скажи... – Атасов остановил «Мерседес» под щитом. – Если тебя месторасположение смущает, так здесь в советские времена вполне могла рембаза сельхозтехники помещаться. Запросто, типа. Очень даже логично. Вокруг, между прочим, колхозное царство...

– Да тут одна машина за час проезжает. И то – летом...

– Ну и что? – возразил Атасов. – Как же это называлось?... МТС, по-моему... Межколхозная техническая станция. Или межрайонная.

– Межзвездная...

– Твоя ирония неуместна, – пожал плечами Атасов. – МТС, короче говоря. За последние годы все эти МТС, по понятным причинам, приказали долго жить. Наша, Андрюша, в числе других. Что было – растащили, типа... А теперь ее, к примеру, взяли в аренду коммерсанты... По-моему, такая картина сейчас повсюду. Сплошь и рядом.

– Да кого тут обслуживать?

– Нас, например...

– Мы сюда случайно угодили.

– Так не одни же, – у Атасова даже поднялось настроение. Народ в Крым со всего бывшего Союза отдыхать ломится. Чего они в нем нашли – ума не приложу. Ехали бы себе в Болгарию. И потом, Бандура, ты про СТО, которое Виктор Иванович на заре своей предпринимательской деятельности открыл, ничего не слышал?

– Нет.

– Ну да, ну да... Откуда. Ты же совсем недавно из Дубов прибыл.

– Из Дубечков.

– Какая разница, типа?

– Не подкалывай, Саня, – обиделся Андрей. – Лучше расскажи, что за СТО?

– Забавное СТО, типа, – Атасов задумчиво пошкреб щетину на подбородке. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь.

– То есть?

– Потом расскажу, Бандура. Если выпадет возможность. Давай-ка попробуем подкатить к этим ребятам. Чем черт не шутит. Авось новыми «колесами» разживемся?

«Мерседес» тяжело сполз на щебенку и поскрипывая многострадальным кузовом, поехал по живому коридору, пробитому через кукурузное воинство. Бескрайние зеленые посадки с обеих бортов вплотную подступили к машине.

– Задним амортизаторам крышка, – поморщился Атасов. Изувеченная подвеска скрипела, словно «мерседес» превратился в подводу.

– Отъездился Желтый... – печально сказал Атасов. Медленно проползли сотню метров. Разменяли вторую. Спидометр показывал ровно сто семьдесят три метра от развилки, когда грунтовка проделала очередной вираж, кукурузные полчища расступились, «мерседес» миновал широко распахнутые массивные ворота, и они въехали на территорию полузаброшенной промышленной базы.

Вокруг простиралось обширное пространство, обнесенное по периметру высоким бетонным забором. По всей территории базы были разбросаны приземистые кирпичные пакгаузы. Штукатурку во многих местах смыло время. Чуть поодаль располагалась группа 20-ти футовых морских контейнеров. Некоторые – со свежевставленными зарешеченными окошками и дверями, проделанными в боку, но большинство сохраняло первозданные металлические ворота. Надпись на ближайшем контейнере гласила: «Станция технического обслуживания автомобилей». И чуть ниже, буквами помельче: «замена масла, долив жидкостей, ремонт карбюраторов, кузовные, рихтовка, покраска».

– Многостаночники, типа.

Сразу за контейнерами торчала сваренная из металла эстакада. За ней зияла парочка провалов в асфальте, очевидно служивших ямами для ремонта машин. Дальше возвышались три новеньких сборных ангара такой величины, что в них разместился бы и тепловоз. Ворота среднего ангара были раскрыты нараспашку. Трое крепышей в промасленных комбинезонах сутились вокруг новенькой «девятки». Было похоже, что в темпе разбирали салон.

Завидев «Мерседес», один из механиков немедленно двинулся к пакгаузам, на ходу вытирая руки о штаны. Между двумя наиболее обжитыми с виду пакгаузами колыхалась на ветру армейская маскировочная сетка. В ее призрачной тени были установлены несколько столиков и полдюжины кресел.

– Еще и кофейку выпьем, – сказал Атасов, больно поразив Андрея наиграно бодрыми интонациями в голосе.

– Я же тебе говорил, что бывшая рембаза, – живо продолжал Атасов, указывая на пять-шесть совершенно негодных тракторов, торчавших по всей территории. – Так оно и есть.

Бандура насчитал две «Беларуси» без двигателей, бурую от ржавчины громадину «Кировца» без колес, вросший в землю экскаватор с ковшом, уткнувшимся в грунт лет пять назад, и гусеничный трактор, названия которого не знал. Похоже было либо на последствия встречного танкового сражения, либо на картину гибели марсиан из романа Герберта Уэлса.

Пространство перед пакгаузами занимала автостоянка, на которой замерло несколько «Жигулей», «Волга», унылый «ЗИЛ» без фар и стекол, вполне живой армейский вездеход «ГАЗ»-66 и «Урал» бензовоз, установленный на колодки. Поодаль стояли красный «Джип-Вранглер» и новое «БМВ» блатного мышиного цвета. Последние две машины – явно, что на ходу.

– Очень может быть, Бандура, что мы попали, куда и надо... – задумчиво проговорил Атасов, вновь принимаясь скрести по заросшей щеке. – Знаешь что? Терпеть не могу, типа, когда рожа небритая. Сразу бомжом себя чувствую. А ты?

– Что ты собираешься предпринять? – нетерпеливо спросил Андрей.

– Я собираюсь предложить им «Мерседес». На запчасти.

Андрей вылупил глаза.

– Раз они тут живут спокойно – с местной милицией вопрос решен. Все схвачено, типа. Значит, шмонать техстанцию вряд ли кто будет... – Атасов закурил.

– Если договориться, наш железный конь исчезнет надежнее, чем ежели б мы его в канале утопили. Тем более, что все каналы ихние – по колено, типа...

– Жалко Желтого, – искренне расстроился Бандура.

– Жалко, – подтвердил Атасов. – Но себя, парень, еще жалче. Так что ничего, типа, не попишешь.

– А потом?

– Потом, Андрей, домажем денег, сколько попросят, и попробуем у них «Жигуля» какого вымутить, или «Волгу». Такой вот план, типа.

– Стремный...

– Не ахти, – согласился Атасов. – Но другого нет. Нам колеса позарез нужны...

– Или мотоцикл.

– А Гримо?

– Понял.

– Где твой ствол, типа? – сменил тему Атасов. Андрей влез под пассажирское кресло, вытащил браунинг, обернутый промасленной тряпкой, развернул.

– Передерни затвор, типа. Поставь на предохранитель и сиди в машине. Будь начеку... И за Гримо приглядывай, – спохватился Атасов, берясь за дверную ручку.

Услыхав собственное имя, Гримо пришел в привычное для себя взвинченное состояние. Заметался по салону, тыкаясь мокрым носом в обоих приятелей, окна, руль и вообще – куда попало.

– Никаких прыжков в окна, – осадил пса Атасов. – Сидеть в машине с Андрюшей. Усек?!

С этими словами Атасов вылез из «Мерседеса» и неторопливо зашагал через пустырь к пакгаузам.

Потянулись мерзопакостные минуты ожидания. Пока Атасов отсутствовал, Андрей сидел как на иголках. Гримо повизгивал, непрерывно вращая головой на триста шестьдесят градусов.

Наконец Атасов появился в дверях. Андрей испытал облегчение, подобного которому и припомнить не мог, как не напрягался. Выглядел Атасов довольным. Он неторопливо вернулся к «Мерседесу», уселся рядом с Андреем. Бандура пожирал товарища глазами.

– Ну? Саня? Чего?!

– Чистые бандиты, – спокойно рассказал Атасов. – Как я и думал. Не те, конечно, что у Виктора Иваныча на СТО иномарки в капусту курочили, но тоже ничего. Ставлю, Бандура, свои пять тысяч купонов против твоей пятерки, что они наш «Мерс» за полчаса по винтику разберут.

– Какие такие бандиты?! – самым натуральным образом подавился Андрей.

– Чистокровные, типа. Ох, Андрюша, чует мое сердце – тут за забором под полем кукурузным, раз копнешь – не обрадуешься!..

– Что ты хочешь сказать?!

– То, Андрюша, что вон в ангаре молодцы, типа, «девятку» разбирают. Номера санкт-петербургские свинтить не успели. Откуда машина, типа?

Бандура уставился на ангар.

– Шею не сверни, – одернул его Атасов. – Наше дело – сторона, типа.

– Ты думаешь?! – быстро заговорил Андрей.

– Нет! – Атасов повысил голос. – Ни черта я, типа, не думаю. Хочу, типа, отсюда убраться. Побыстрее. По добру по здорову, типа. Ноги унести, и все дела. Есть приличные шансы...

Пару крепышей неторопливо вышли из пакгауза и расселись в тенечке по шезлонгам. Появилась девица, подала крепышам бутылку «кока-колы» и бокалы. Вскоре здоровяки потягивали колу через соломинки, изредка кидая в сторону «Мерседеса» нарочито ленивые взгляды. Бандуре немедленно пришло в голову, что нечто подобное ему уже доводилось видеть. Давно. По телевизору. В любимой им программе «В мире животных»,²⁷ транслировавшейся центральным телеканалом по субботам. Ее еще Дроздов вел. *«А то и нет. Другой был ведущий. Как же его фамилия была?»*

– Песков!

– Ты о чем это? – не понял Атасов.

«Точно, что Песков...» Так вот. В передаче показывали стаю гиен. В саванне, кажется, или где они там живут... Именно так вели себя гиены, загнавшие несчастную мартышку на одинокое дерево. На баобаб какой-нибудь... Когда обезьяне – ни туда, ни сюда.

– Хорошенькие дела, – пролепетал Андрей.

– Не худшие пока, – успокоил Атасов. – Есть у них «шестерка». На продажу. Не убитая, говорят. Четыре штуки хотят. Зелеными. И «мерседес» в придачу.

– Грабеж, – возмутился Бандура. – Беспредел самый настоящий.

– Не спорю, – кивнул Атасов. – Хозяина всего этого заведения, типа... – Атасов брезгливо поморщился, – Гамлетом зовут...

– Заведение?

– Хозяина, – терпеливо уточнил Атасов. – Что тебе не нравится, Бандура? Ты что, типа, расист?

Бандура замотал головой.

– Так вот. Гамлет, типа, сделал мне любезность. Дал радио послушать.

– Чего гутарят? – без особого интереса спросил Бандура.

– По радио рассказывают, будто милиция, типа, объявила операцию перехват. Разыскивают двоих гавриков, с собакой. Приметы довольно точные... Гаврики, Бандура, почему-то здорово похожи на нас. А пес – на Гримо...

Андрей понурил голову.

– Добрые дела наказуемы. А грохнул бы тех козлов – и голова бы не болела.

Бандура затравленно уставился на Атасова.

– Саня, так нас СТОшники сдадут. К чертовой матери. С потрохами...

– С чего это? – удивился Атасов. – Какой им резон? Про денежную премию за наши головы радио ни черта не болтало, типа... Да они на нас и так наживаются – будь здоров. – Атасов провел пальцем по бровям, демонстрируя уровень барышей, извлекаемых СТОшниками из затеянной им сделки.

– Замочить попробовать запросто могут... – признался Атасов нехотя. – Однако, – продолжал он хладнокровно после некоторого колебания, – я все ж таки надеюсь, что нападать на нас они не решатся...

– Это с чего?

– А мы не по ихней части. Они, подлецы, как я понимаю, отдыхающих, типа, бомбят – от случая к случаю.

Бандура кивнул.

– Ну вот. Мы с тобою что, очень похожи на отдыхающих?

– Не особенно.

– Я бы на их месте мочить нас не стал. Зачем лишние проблемы? Нажился бы, и гуляйте с Богом. Кто вас, бандитов столичных знает, что за сила за вами стоит? Усекаешь?

²⁷ «В мире животных», – замечательная советская телепрограмма, основана в 1968 А.Згуриди. Ведущими были Александр Згуриди (по 1975), Василий Песков, Николай Дроздов (с 1977)

– Да, – немного взбодрился Андрей.

– Хотя... – Атасов, в который раз принялся скрести щетину, – этот Гамлет... Такая харя гнусная, что всего ожидать можно... Попросил деньги засветить... Я ему баксы показал. Издали.

– Ну и?

– Побожился через пятнадцать минут «шестерку» подготовить... Документы на нее есть. Фальшивые, понятное дело... Номера крымские, типа...

– А что не так?

– Ты бы, типа, его глаза видел... когда он на баксы пялился...

* * *

Около четырех с запада снова долетел рокот вертолета. Самого вертолета видно не было, зато характерное цоканье слышалось очень отчетливо.

– На бреющем идет, – мрачно обронил Атасов.

– Чего они тянут? – не выдержал Андрей, подразумевая Гамлета и его компанию.

Как только гул вертолета стих, из двери пакгауза вышел невысокий смуглый мужчина в яркой клетчатой рубашке а-ля Багамы, с коротким рукавом, и белых хлопчатобумажных шортах. Ноги мужчины покрывала густая черная поросль. На заросших шерстью руках тускло поблескивало золото. Волосатый исподлобья взглянул на «Мерседес» и поманил Атасова пальцем.

– А вот, типа, и Гамлет, – Атасов полез из машины. – Спину мне прикрой, – бросил он напоследок.

– Бывший борец, – пробормотал Андрей, выдвигаясь вслед за Атасовым. – Или штангист.

Совершенно неожиданно в горле у Бандуры образовался здоровенный вязкий ком. Андрей попробовал сглотнуть его, но безуспешно. В желудке стало пусто. Ощущение было такое, будто руки и ноги зажили как бы по отдельности. Между этими немаловажными частями организма пролегла звенящая пустота.

– Фу ты, блин, – поразился Бандура. – Быть такого не может...

– Эй, паренек?!

Бандура настороженно обернулся. Из-за упомянутого уже армейского «Газона» вышел мужчина средних лет. Крепко сбитый. Одетый в пятнистые военные штаны с безразмерными карманами на бедрах и старые грязные кроссовки. Явно доперестроечного образца. Верхняя половина тела была обнажена, демонстрируя внушительный арсенал мускулов.

«Жилистый урод», – подумал Бандура, смерив хозяина армейских брюк затравленным взглядом.

– Помоги завести балалайку, братишка! – Жилистый махнул в направлении вездехода. Из-под радиатора грузовика торчала ломоподобная рукоятка стартера.

– Да подожди ты... – Андрей сделал движение, собираясь просочиться мимо.

– Будь человеком, – прицепился Жилистый. – Стартер улетел. Помоги, слушай!..

– Да погоди...

– Ексель-моксель! – возмутился Жилистый. – Крутани пару разов. Делов-то!

Андрей рассеяно шагнул к грузовику. Положил обе ладони на рукоятку.

– Давай! – скомандовал Жилистый, с ловкостью обезьяны запрыгивая в кабину. Андрей всем телом повис на ручке стартера. Та не сдвинулась с места.

– Ты что, малохольный?!

Бандура напрягся. Рукоятка пошла вниз. Первый оборот. Двигатель неуверенно чихнул. Второй. Снова болезненный чих, но безо всякого продолжения.

– Резче, браток!

Еще пару судорожных рывков.

– Вот дистрофан!

Кровь бросилась в лицо Андрею.

– Бензина подкачай, лапоть! – срывающимся от натуги голосом крикнул он.

Андрей крутанул раз пять, вкладывая в рывки всю силу, умноженную собственным весом.

Внезапно двигатель завелся. Жилистый добавил оборотов. Рукоятка выскочила из гнезда и громко звякнула об асфальт. Андрей едва руки одернуть руки.

– Твою мать! – выкрикнул он и, опершись на высокий буфер вездехода, потянулся под колеса за рукояткой. И тут грузовик буквально прыгнул на него.

Андрей метнулся в сторону, кубарем покотившись по асфальту. Буфер по касательной зацепил-таки его спину, ободрав кожу до крови. Бандура, пошатываясь, вскочил на ноги, соображая, что только чудом остался в живых.

– Ты, беби́мот хулев! – захлебываясь, заорал Андрей. Дальше из него попер сплошной мат.

«Газон» сдал назад. Вывернул широченные вездеходные катки и, неожиданно, устремился на Андрея. Волосы Бандуры встали дыбом.

– Ты?! – закричал Андрей. – Ты что делаешь?! – Совершенно позабыв о пистолете, Андрей бросился наутек. В тот момент он вообще утратил способность соображать. Справа из-за «Жигулей» наперерез Андрею бежало трое крепышей. Один размахивал монтировкой. Экипировка других молодчиков осталась для Андрея загадкой. Он свернул налево. Обежал «Волгу» и рванул к замершему вдалеке экскаватору. Споткнулся, упал, подхватился прямо на ходу, чувствуя, что брюки на колене продраны, кровь течет по ноге.

– Держи его! – улюлюкали за спиной молодчики, с азартом заправских загонщиков.

Андрей неся как заяц. Когда до экскаватора оставалось не больше десяти метров, в ангаре загремели выстрелы.

Метавшийся по салону Гримо громко взвизгнул, сиганул в окно и торпедой полетел к ангару.

– Саня! – закричал Андрей. В ответ зарывкал Атасовский «Стечкин». С первых же выстрелов Андрей вспомнил о собственном пистолете. Выдернул «Браунинг» и едва увернулся от пронесшегося рядом газона. Воздушная волна взъерошила ему волосы. На этот раз Жилистому не хватило, быть может, сантиметра, чтобы раздавить Андрея, как букашку.

– Ах ты, скот! – Бандура развернулся лицом к загонщикам. Те были совсем рядом.

В ангаре началось сражение. Яростно застучал автомат. Грохнуло помповое ружье. Короткой очередью огрызнулся «Стечкин».

Грузовик заложил крутой вираж и возвращался, возобновить корриду. Андрей вскинул «Браунинг». Пистолет сухо закашлял. В нос ударила пироксилиновая вонь. Ближайший загонщик выронил монтировку и с размаху уткнулся в асфальт. Несколько пуль досталось и второму. Он упал на колени, исходя душераздирающими воплями. Третий загонщик ловко нырнул за «ЗиЛ».

Мгновением позже Андрей снова летел по воздуху, в прыжке увернувшись от «Газона». Несколько пуль щелкнуло под ногами Андрея. Он несуразно подпрыгнул, как человек, угодивший в кострище, и заметался по полю в поисках укрытия.

Из ангара доносились жуткие крики. В безымянных воплях сквозила такая нечеловеческая мука, словно кого-то пожирали живьем. Возможно так оно и было. Стреляли почти без перерыва. Замолчавший было «Стечкин» вновь злобно залаял. А затем что-то взорвалось. Земля дрогнула. В большинстве пакгаузов посыпались стекла. Ангар устоял, но немного

осел. Обе створки массивных ворот соскочили с петель и рухнули, подняв целую тучу пыли. Из проема полыхнуло пламя. Повалил смрадный черный дым. «Стечкин» Атасова замолчал.

– Саня?! – не своим голосом заорал Андрей. – Гримо?!

Несколько парней выскочило из пакгауза, непрерывно стреляя в Андрей. Он ответил огнем и, кажется, отстрелил одному ухо, а других заставил залечь. Вышелкнул обойму, вогнал следующую, и стрелял по вжавшимся в землю бандитам, пока вынырнувший из дыма вездеход едва не раскатал его в лепешку. Андрей прыгнул вбок. Грузовик резко затормозил, чуть не врезавшись в трактор. Андрей опрометью побежал к нему, выпуская пулю за пулей в водительскую дверцу кабины. Запрыгнул на подножку, выдернул из-за руля Жилистого. С ним было покончено.

– Паскуда! – взвизгнул Андрей, нырнул за руль. Врубил заднюю передачу, дал полный ход. «Газон» в секунду покрыл расстояние до красного джипа и с хрустом врезался ему в борт. Джип сдвинулся с места и прихлопнул к кирпичной стене прятавшегося за ним стрелка. Посыпались обломки. Стрелок громко охнул и больше не издавал ни звука.

Вездеход оторвался от джипа. Андрей погнал грузовик к ангару. Справа по курсу он заметил корчившегося на земле загонщика, раненого им в живот. Взял правее. «Газон» чуть подбросило.

– Исцелен, скот, – закричал Андрей, тормозя напротив ангара.

– Атасов?! Гримо?!

Проем ворот затянуло густым дымом. Внутри занимался пожар. Пламя, фыркающая, перебрасывалось со стеллажа на стеллаж. Несколько машин в ангаре горели вовсю.

«Сейчас бензобаки пойдут взрываться», – с ужасом подумал Андрей, по опыту зная, что почти все, что связано с автомобилями и их ремонтом, горит просто замечательно.

– Атасов! – еще громче завопил он. – Гримо!

Позади затрещали выстрелы. Бандиты опомнились от полученной взбучки и очевидно, жаждали реванша. Пули застревали в досках кузова, кромсая дерево в щепки. Мышиного цвета «БМВ» сорвалось с места, разгоняясь в сторону Андрея.

– Саня!

Андрей отвернулся. Дал газ и закружил по территории базы. Отбросил попавшиеся на ходу «Жигули». Двое бандитов с криками отпрыгнули. Одному удалось уйти. Второй замешкался и исчез под бампером вездехода. Бандура выписал восьмерку. СТОшники стреляли из пакгаузов. «БМВ» где-то пряталось. В ангаре снова гроыхнуло. Дым повалил такой, что всю базу быстро заволочло гарью и чадом. Клонящееся на запад солнце едва пробивалось сквозь повисший повсюду мрак. Картина была – прямо из фильма ужасов.

Выездные ворота оказались впереди и справа от Андрея. Он кинул последний взгляд на пылающий ангар и вывел грузовик на дорогу.

* * *

Первые полсотни километров Андрей не разжимал зубов. Тупо смотрел, как вездеход безжалостно подминает стройные побеги кукурузы, холодно констатировал их гибель, и молчал. Впрочем, разговаривать все равно стало не с кем. В кабине он был один, на дороге тоже. Безучастный к сменяющимся за стеклами картинкам, не думающий совершенно ни о чем.

Молчание, охватившее Андрея, было не столько внешним, сколько внутренним. Сознание куда-то провалилось, чувства испарились, будто пожар, уничтоживший Атасова и Гримо, выжег Андрея изнутри, оставив после себя одну обугленную корку.

Пальцы до белизны сжимали руль, ноги давили на педали. Машина подпрыгивала на кочках, штурмовала канавы и какие-то высохшие русла, скатывалась с пригорков и взбира-

лась на холмы. Проселок впереди, насыпь, ров или поля, песок или грязь – «Газону» было без разницы. Бандуре, в сущности – тоже. Выбирать дорогу и в голову не приходило. Завладев вездеходом, он потерял интерес даже к заброшенным грунтовкам. Держал на юг, и точка.

* * *

Солнце потихоньку клонилось к закату. День сменился вечером. Около шести путь пересекло железнодорожное полотно. Андрей включил понижающую передачу. «Газон» выехал на рельсы, легко пересек их и соскользнул с насыпи.

Вскоре Бандура выехал на широкую автомобильную дорогу. Действуя с методичностью зомби, достал карту, развернул на коленях. Идентифицировал трассу, как шоссе Р-62 – Николаевка-Симферополь. Проехал по асфальту километров десять и опять свернул вправо. Форсировал Западный Булганак, углубился в мир садов и полей. С ходу проскочил еще какую-то речушку. Тем временем небо принялось темнеть. Красноватые лучи солнца постепенно переходили в фиолет. Появились первые звезды. Пока тусклые и несмелые. Оставшиеся позади бескрайние кукурузные поля сменились бесконечными виноградниками. Местность стала холмистой. Все чаще начали попадаться обрывистые известковые склоны. Из земли торчали многотонные каменные глыбы.

Совершенно незаметно Андрей очутился в предгорьях. «Газон» выехал на укатанную грунтовку. Еще через четверть часа проселок обернулся головокружительным спуском. Дорога через скалистую горловину скатывалась в широченную долину, раскинувшуюся далеко внизу.

Бандура свернул с проселка и осторожно вывел грузовик на самый край высокого горного кряжа.

Диск солнца покраснел, достигнув горизонта на западе. Прямо под ногами, далеко внизу, виднелось полотно автомобильной дороги, тонкое, словно черточка, нарисованная тушью на темно-зеленом бархате. За шоссе струились бесконечные полосы рельсов, похожие на натянутые по земле медные проволоки. К западу проглядывали миниатюрные крыши какого-то города. Вдоль линии горизонта, насколько хватало глаз, подымались заросшие лесом древние Крымские горы. Над ними плыли кучевые облака, серо-фиолетовые с востока, отливающие пурпуром на западе. Много выше кучевых, невозмутимо и совершенно неподвижно серебрились перистые.

Андрей молча стоял, очарованный удивительной картиной, пытаясь разглядеть море. Ему даже показалось, что где-то далеко, за кромкой гор, на краю небосклона проступила темно-синяя морская гладь. Море то было, или потемневшее небо, определить он не смог.

Андрей вздохнул. Уселся на высокую подножку вездехода. Опустил глаза к жесткой траве, пересыпанной колючками и непонятно откуда взявшимися маленькими белыми ракушками, закрученными в тонкие хрупкие воронки.

«Откуда вы здесь взяли?» – спросил у ракушек Андрей.

«Ты то сам откуда тут взялся?»

Андрей решил закурить, но едва достал сигарету, как нестерпимо запершило горло. Он хотел было откашляться, но тут грудь сдавило спазмом. Андрей судорожно задышал, чувствуя, как глаза заволакивает слезами. Он всхлипнул несколько раз, уже зная, что это только прелюдия. И громко и неудержимо разрыдался. Словно плотину прорвало. Слезы потекли по щекам. Соленые, горячие. Первые с того черного сентябрьского дня двухлетней давности, когда гроб с телом матери лег в благодатный Дубечанский чернозем. Тогда с неба сек мелкий осенний дождь и дорожки на сельском погосте обратились в грязное месиво. Старинные клены желтели умирающей листвой, падающая с неба вода заливала покосившиеся кресты и замшелые могильные плиты. Непогода рассеяла немногочисленную процессию,

священник отбыл ритуал. Гроб закопали и народ потянулся по домам. Андрей плелся позади. Ему было очень холодно. Он продрог до костей, а внутри была пустота, которую, говорят, по силам заполнить только времени. Вода стекала ему за шиворот, но Андрею было плевать. Он отрешенно брел по грязи, думая о страшном значении, приобретаемом изредка вполне обыденным словом «никогда».

«Езжай домой, сынок! – где-то в глубине Андрея сказал отцовский голос. – Езжай домой».

Андрей всхлипнул, размазывая слезы по лицу. Спрятал голову в ладони. Лопатки судорожно вздрагивали.

«Домой, Андрюша. Да пошли они все к чертовой матери!»

– Эх, Атасов, – Андрей утер глаза.

– Отставить разводить сырость! – скомандовал сквозь слезы Андрей, старательно копируя голос Бандуры-старшего. Получилось настолько похоже, что Андрей невольно улыбнулся. Правда улыбка вышла вымученной, но для начала годилась. Андрей почувствовал, что пик рыданий остался позади. Закурил, удивляясь облегчению, принесенному слезами. Нервное напряжение пошло на спад.

Андрей старательно высморкал нос. Обернулся к северу, укрывшемуся непроглядной мглой. Долго смотрел на далекую темную равнину, по очереди поглотившую всех его друзей. Одного за другим. Тихо, едва шевеля губами, произнес имена товарищей, оставшихся далеко, во мраке. Затем Андрей медленно развернулся к югу. Широкая долина провалилась в сумерки. Автомобильная и железная дороги почти исчезли из виду. Кое-где внизу ползли одинокие огоньки. Силуэты далеких гор полностью слились с небом. А на небе повисли звезды.

– Ты, Вацик, не всех убил, – шепотом произнес Андрей. – Кое-кто, Вацик, остался. Ты очень скоро в этом убедишься.

Забираясь в кабину вездехода, Андрей чувствовал себя роковым мечом, готовым обрушиться на голову Бонифацкому.

«Давай, спускайся, пока окончательно не стемнело, – подстегнул себя Бандура. – Хватит сопли жевать!»

Он помедлил, разыскивая выключатели фар. Врубил «дальний». Запустил мотор, нашел грунтовку и осторожно поехал в долину.

Спуск занял минут сорок. Уклон дороги достигал кое-где тридцати, а то и сорока градусов. Андрей потел за рулем, раз за разом ожидая, что грузовик полетит кувырком. К счастью, ничего такого не случилось. Целыми и невредимыми вездеход с водителем выбрались на автостраду. Машин на шоссе не то, чтобы было много, но, время от времени, попадались.

Трасса привела его в Бахчисарай, крыши которого он недавно наблюдал с вершины горного кряжа. Бандура проехал город насквозь, привлекая не больше внимания, как если бы был невидимкой. Оно и понятно. В советское время военные души не чаяли в Крыму, редко какая горка обходилась без их локаторов. Армейский трудяга «ГАЗ-66» тягал на себе все, что только помещалось в кузове. Начиная с солдат и заканчивая радиоэлектронным оборудованием.

Отсчитав по спидометру шесть километров от городской черты, Андрей остановил грузовик. Включил в кабине штурманскую лампу, сверился с картой, а затем решительно повернул на узкую асфальтовую дорогу. Дорога вела через поле. Вездеход миновал железнодорожный переезд и углубился в широкую ложину. Справа зашумела река, слева нависали каменные глыбы. Дорога неуклонно шла на подъем. Не особенно заметный, но затяжной и непрерывный. Из тех, что способны легко довести мотор до кипения.

Грузовик забирался все выше в горы. По пути попало несколько крохотных поселков. В некоторых домах горел свет: где в окнах, а где, на открытых верандах. Домики выгля-

дели очень уютными. От них веяло тихим уединением, заслуженным ужином в кругу семьи, и еще многим из того, о чем Андрей мог только помечтать. Стоило ему подумать о домашних очагах, согревающих местных жителей, как давненько пустующий желудок протестующе заурчал. Вспомнились ароматные пирожки, которыми он с ребятами лакомился ранним утром под Херсоном.

– Трудно поверить, что это сегодня было, – пробормотал Андрей, вновь подумав о потерянных в пути приятелях.

Но так уж устроена человеческая природа, что потрясения потрясениями, погони погонями, стрельба стрельбой, а желудок требует своего. Мысли Андрея, подстегнутые херсонскими пирожками, устремились в кулинарное русло. Как ни гнал он их оттуда, выбираться они не спешили. Мозг Андрея, с упорством закоренелого мозахиста, принялся выуживать из памяти всевозможные образы, так или иначе касающиеся чревоугодия. Вначале Андрею представилась полная миска пирогов с маком, бывших некогда коронным блюдом его бабушки. Вслед за пирожками на поверхность сознания всплыли бесподобные мамини отбивные в тесте, в сопровождении салата из свежей капусты. Салат был слегка взбрызнут смесью уксуса и подсолнечного масла, запах его органично вплетался в аромат прожаренной свинины. Андрей жадно потянул носом и заулыбался, увидев себя и отца, уплетающими эти самые отбивные за обе щеки. Мама стояла у плиты, вооруженная сковородкой, в любимом домашнем переднике и улыбалась обоим обжорам так, как умеют только любящие матери и хорошие жены.

Андрей решительно отмахнулся, сконцентрировав внимание на двух беззащитных женщинах, томящихся в далеких Осокорках. На Анне и Кристине, жизнь которых, а в этом он несколько не сомневался, висела на волоске и находилась в его руках.

– Я не подведу, – пообещал Андрей освещаемой фарами дороге.

Андрей попробовал нарисовать мысленный образ Кристины. Кристина вглядывалась в него чудесными изумрудными глазами. Каштановые волосы ниспадали на плечи.

«Ты не подведешь?»

«Я не подведу!»

«Ну, давайте, блин, налетайте!» – завопил из-за спины Кристины Протасов. Валерий, в шортах и майке, бывших на нем во время последней вечеринки на даче Виктора Ледового, колдовал над мангалом. Дурманивший аромат шашлыков плавал по поляне и дразнил нос.

Андрей потряс головой и решительно переключился на Бонифацкого. Стоило ему подумать о Вацике, как проклятый авантюрист показался собственной персоной. Одетый строго по-деловому, Боник с самым невозмутимым видом поглощал ужин в одном из крутых Ялтинских ресторанов. Официант сменил деликатесные блюда, услужливо поклонившись Бонифацкому, тот небрежно кивнул, принявшись за тарелку с креветками.

– Я тебе эти креветки в задницу вобью! – с чувством пообещал Андрей. Боник немедленно ретировался вместе с ресторанным столиком и частью кабацкого интерьера. Можно с уверенностью утверждать, что случись Бонифацкому увидеть в этот момент лицо молодого человека, он, несомненно, утратил бы не только аппетит, но и сон.

Глава 5

НОЧЬ В ГОРАХ

К одиннадцати часам вечера вездеход выехал на развилку. Главная дорога продолжала карабкаться в горы. Дорога поуже уходила направо, за далекими холмами огибала большое горное озеро и вилась к перевалу Байдарские ворота. Андрей проехал прямо, намереваясь к утру подняться на высокогорное плато Ай-Петринской Яйлы.

Шум Бельбека из правого окна кабины незаметно переключался в левое. Видимо, вездеход где-то пересек горную реку по мосту. Сам Андрей это событие благополучно проморгал. Ущелье постепенно сужалось, как будто бы горы вознамеривались сомкнуться между собой, похоронив дорогу под толщей пород. Дорога, выскользнув из ущелья, вгрызлась в крутой горный склон, принявшись сворачиваться бесконечными кольцами серпантина. Вездеход, надсадно завывая мотором, тяжело пополз вверх. Андрей включил понижающую передачу и полностью обратился во внимание, попеременно вращая рулем то в одну, то в другую сторону. С горной дорогой такого уровня сложности Андрей столкнулся впервые в жизни, так что картины кулинарных изысков отошли на задний план. Склоны густо поросли лесом. Фары на поворотах выхватывали из темени сплошной частокол ветвей и стволов. Каждый вираж сопровождался резким набором высоты. Андрей изо всех сил вписывал вездеход в следующие один за другим повороты, справедливо опасаясь, что малейшая ошибка в пилотировании чревата катастрофическими последствиями. Долгим полетом, например.

– Только не заглохни! – умолял Андрей вездеход. – Если мне тут задом сдавать придется, или трогаться с места – вместе на дне валяться будем.

К счастью для Андрея, конструкторы армейской машины снабдили ее тянучим мотором, надежной коробкой передач, не забыв позаботиться о вывороте руля, мало уступающем мерседесовскому.

«По-крайней мере, в пути я теперь точно не усну», – утешал себя Андрей.

Никаких встречных или попутных машин не было и в помине. Дорога была безлюдна, словно марсианская равнина.

«Ну и, слава Богу, – сказал себе Андрей, – еще разминаться с кем-то не хватало».

Едва вездеход преодолел первую серию серпантинов, а Андрей даже расслабился слегка, утер пот со лба и подумывал закурить сигарету, как двигатель выдал сбой. Грузовик дернуло, будто в судороге. Такт мотора нарушился, он фыркнул и на мгновение заглох. На панели вспыхнула красная лампа разрядки аккумулятора. Андрей замысловато выругался, толкнув акселератор в пол. Двигатель фыркнул и завелся на ходу. Потом кашлянул и снова сбойнул.

– Ах ты, япона мать!

Одного беглого взгляда на приборную доску оказалось достаточно, чтобы уяснить причину неисправности. Указатель уровня топлива показывал, что оба бака вездехода пусты.

– Вот блин! – застонал Андрей. Рвать волосы на голове было поздно. Сигнальная лампа, очевидно, не работала, а показания датчика он проглядел.

– Ах ты черт!

Андрей принялся ожесточенно лупить ногой по педали газа, пытаясь перекачать в камеру сгорания хотя бы содержимое бензошлангов. Мотор снова заревел и машина бодро устремилась вперед. Андрей не тешил себя иллюзиями – бензонасос досасывал последние капли топлива.

– На парах едем, – говаривал в таких случаях Бандура-старший. Спорить бы Андрей не стал.

Он начал напряженно высматривать подходящее место для стоянки. Бросать грузовик посреди дороги ему было не по душе.

– Господи, – попросил Андрей, – если ты не долил мне бензина, пошли хотя бы съезд в лес...

Как бы в ответ справа показалась вполне подходящая площадка. Не исключено, служившая для обзора местных красот. В том, что вокруг красоты, Андрей не сомневался. Он забрался на приличную высоту, и, наверняка, полюбовался бы видом, случись светить солнцу. Как только Андрей заехал на гравий, двигатель вездехода задергался и, после короткой агонии, умолк.

Андрей поставил машину на передачу, а подумав, сорвал ручник. Для надежности. Вздохнул, откинулся на сидение, и, с наслаждением, закурил сигарету. Первую за последние три часа.

Над горной дорогой повисла тишина. Правда, она была относительной. Стоило оборваться реву мотора, как стали слышны тысячи самых разнообразных звуков, издаваемых лесными обитателями. Андрею даже почудилось, что лес ожил, радуясь внезапной кончине незваного металлического пришельца.

На склоне неподалеку шуршали какие-то зверьки. Может быть мыши, а может, и ежики.

«Или змеи, – подумал Бандура, машинально поджимая ноги. – Змеи мне без надобности...»

Среди зарослей мерцали огоньки светлячков. Большая часть светила зеленым, словно сигналы светофора, несколько отливали пурпуром.

«Коммунисты», – предположил Андрей. Повсюду заливались цикады. Над кабиной жалобно пищали занятые ночной охотой летучие мыши.

– Не хотел бы я знать, чем они питаются. Бетмены хреновы, – пробормотал Андрей. И ухмыльнулся. Выбросил окурочек через опущенное наполовину боковое стекло и уже собрался было вылезать наружу, когда услышал (почувствовал) какое-то неуловимое движение метрах в пятидесяти впереди вездехода. Бандура, затаив дыхание, наблюдал, как заколыхались кусты на крутом склоне, а затем, в отсветах включенных фар, загорелись два круглых багровых глаза. Глаза не мигая уставились на Андрея. Он сглотнул слюну. Издали глаза казались плоскими, как два медяка, уложенных на веки покойнику. Неведомое существо скрывалось в темени леса, и о его размерах Андрею оставалось лишь гадать. Бурно разигравшееся воображение в мгновение дорисовало обладателю багровых глаз скользкое чешуйчато-когтистое тело величиной с небольшого носорога.

«Прямо на меня вылутился!», – в замешательстве подумал Андрей и автоматически надавил на клаксон. Автомобильный гудок захлестнул ущелье с мощью Иерихонской трубы. Но Багровые глаза не двинулись с места.

Андрей прильнул к лобовому стеклу, представив себе грустную картину умирающего посреди доисторического леса динозавра. Динозавр трубными воплями пытался отогнать подбиравшихся с разных сторон мелких хищников.

«Разных там, саблезубых тигров, например».

«Ничего себе, мелкого хищника отыскал?»

«Против динозавра – шавка дворовая. Чтобы ты знал».

Андрей отпустил было сигнал, но, почти что сразу вернул руку на руль. Обездвиженный вездеход разразился новой серией электрических криков.

Внезапно глаза исчезли. Вот только что таранились на него двумя зловещими лунами, теперь на их месте сомкнулась темнота. Вверх по склону затрещали энергично раздвигаемые кусты – чудовище отступило в заросли. На дорогу посыпался десяток разнокалиберных камней.

«Ничего себе мамонт?! – Андрей вытер лоб. – Чуть камнепад не устроил! Он что там, деревья на ходу ломал?!»

«Сходи, посмотри».

«Спасибо, не надо».

Андрей взялся за сигареты.

«Мне и в кабине хорошо».

Растревоженный лес быстро вернулся к обычной ночной жизни.

«Интересно?.. – спросил у себя Андрей. – А медведи тут, случайно, не водятся?..»

«Ага!.. Крымские гризли... Нечего было зоологию сачковать в седьмом классе. Был бы в курсе...»

«Не будь дураком, – Андрей отмахнулся, прогоняя собственные страхи. – Обыкновенная бездомная собака. С мокрым носом и вращающимся на заднице хвостом... Собак в Дубечках не видал?»

«Хорошая собака! – не согласился пугливый внутренний голос. – Едва гору не обвалила».

«Про коз слышал когда-нибудь? Такое домашнее животное есть. С рогами на голове. Поменьше коровы, но больше кролика...»

«Приличные козы в ночь спят, где положено, а не шастают по лесам, как какие-то отмороженные вурдалаки!.. И потом, где ты слышал, чтобы у коз глаза в темноте отсвечивали?»

Андрей почесал затылок в нерешительности. Слово «вурдалак» вызвало неприятную изморозь на спине. Между лопаток пробежали мурашки. Он поежился, внимательно поглядывая в окна. Одно дело о «вурдалаках» и прочих чудищах из лесной глухомани судачить на кухне городской квартиры. Совсем другое – помянуть их посреди безлюдного горного леса. В черную безлунную ночь... Совсем другое дело.

«Вон луна, придурак! Пovýлазило, со страху?!»

«Очень хорошо. В полнолуние они и активизируются. Фильмов не смотрел, лапоть?»

Андрей потянулся за пистолетом, взвесил в руке холодную сталь, и от души немного отлегло. Проверил оружие, заткнул за ремень. Покидать кабину вездехода ему совершенно не хотелось, но делать было нечего.

«Не хочется, но надо!» – любил повторять Бандура-старший, когда ему приходилось заниматься неблагодарной черной работой. Такой, которую представляется заманчивым либо отложить на далекое потом, либо свалить на другого.

Андрей хмыкнул и вылез наружу. Кинул взгляд на вездеход, подумывая, а не столкнуть ли машину с откоса. Искушение было велико, но, трезво взвесив все «за» и «против», он решительно отменил эту затею в сторону.

«Во-первых, – рассудил Андрей, – вездеход, валяющийся на дне теснины колесами вверх, могут быстро обнаружить. Крым, в конце концов, не Сибирь. Возникнут вопросы. У местных жителей, лесников, пастухов, грибников, а потом и у тех ребят, которым вопросы задавать полагается по долгу службы».

«Тебе это надо?»

«Мне нет. А тебе?»

«Мне тоже нет».

«Вот и чудненько».

В то время как грузовик на обочине, это заурядный грузовик на обочине и есть. Стоит себе, никого не трогает, и пускай стоит, до самого Второго Пришествия.

И потом, губить машину у Андрея просто не поднималась рука. Даже наоборот. Он ласково погладил холодный металл кабины, подумав, какой находкой был бы вездеход на

отцовской пасеке в Дубечках. Андрей вздохнул, одернул одежду и, удостоверившись, что пистолет на месте, решительно зашагал прочь.

* * *

Первые полтора часа Андрей бодро вышагивал по асфальту, с упоением вдыхая сладкий ночной воздух. Кошмары куда-то отступили. Мышцы, на удивление, радовались выпавшим нежданно-негаданно нагрузкам. Андрей продвигался вперед с легкостью застоявшегося в стойле скакуна, вырвавшегося, наконец-то, на волю.

«А ты как думал? Сутки в кабине проторчать?» — обронил на ходу Андрей, обращаясь к черным зарослям по обеим сторонам дороги.

Андрей, конечно же, осознавал, что выдававшаяся прогулка вовсе не похожа на традиционную разминку косточек в пути. Когда прошелся взад-вперед по обочине, наслаждался открывающимися повсюду пейзажами, хлебнул кофейку из термоса, опорожнил мочевого пузырь, забрался обратно в уют салона, да и покатиł себе дальше, с ветерком. Совсем нет. Путь предстоял длинный и тернистый. Боевой поход, точнее говоря. Без гроша денег в кармане, с последней обоймой, остававшейся в пистолете. В финале ожидалась нешуточная схватка с Вацлавом Бонифацким, который, как стало очевидным – не лыком шит. Из тех ребят, что мягко стелят, да жестко спать. А по большому счету, победа в Ялте (это, если будет победа), не означала триумфального завершения экспедиции. Из Крыма еще надо было выбраться живым, пересечь половину страны с бесценным чемоданом и пустыми карманами. А плюс ко всему, вся эта рискованная затея со стрельбой, погоней и дикими криками приобретала хотя бы какой-то смысл только при условии, что Ледовой продолжал томиться за решеткой.

Но, Андрей был молод и отважен, полон сил, верил в счастливую звезду, а о плохом старался не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.